

Проф. В. В. Болотов

I.

ГОНЕНИЕ НА ХРИСТИАН ПРИ НЕРОНЕ.

II.

К ВОПРОСУ ОБ АСТА MARTYRUM SCILITANORUM

С.-ПЕТЕРБУРГ,

Типография М. Меркушева. Невский, 8.

1903

ГОНЕНИЕ НА ХРИСТИАН ПРИ НЕРОНЕ *).

ХАРАКТЕР преследования христиан при Нероне составляет предмет споров. В конце концов эти пререкания сводятся к вопросу о толковании текста *Annal.* 15,44 Тацита ¹⁾, а для самого толкования не безразличен вопрос о ценности его исторических показаний в этой области. Пусть значение Тацита как историка Рима при первых цезарях стоит неоспоримо высоко ²⁾; но, первоклассный повествователь судеб Рима, стоял ли он на той же высоте и там, где ему приходилось говорить о варварах? Нельзя забывать, что за его *Histor.* 5, 2-9 Тертуллиан аттестовал его словами: *Cornelius Tacitus, sane ille mendaciorum loquacissimus* ³⁾, и мудрено оспаривать, что этот отзыв оправдывается существом дела. Тацит достаточно проникновенен, чтобы понять, как легкомысленно думали те, которые полагали, что иудеи почитают *Liberum patrem*. Но те данные, которыми он располагал, столь же решительно говорили, что иудеи чтут «*mente sola unumque numen*», единого вечного невидимого неизобразимого Бога, и потому у них «*nulla simulacra*». И тем не менее Тацит не затруднился сказать, что иудеи поклоняются изображению осла. Именно за это Тертуллиан и отзывается так нелестно о римском историке. То несомненно, что он пользовался очень плохими источниками для составления очерка истории иудеев, и едва ли можно считать случайностью, в которой он несколько неповинен, то обстоятельство, что ему

* Из посмертных бумаг покойного профессора В. В. Болотова.

¹⁾ Sueton, Nero 16: “*afflicti supplicii Christiani, genus hominum superstitionis novae ac maleficae*“. Это известие исторических сведений о гонении при Нероне не расширяет. Рамсэй (*W. M. Ramsay, The Church in the Roman Empire before a. d. 170, London 1894 (3 ed.), p. 229-232*) придает ему важность необычайную. Нерон установил принцип, которым правительство должно было постоянно руководствоваться в делах о христианах, смотреть на них как на секту не только не дозволенную, но и прямо зловредную. Фальшь этого толкования, или по меньшей мере его беспочвенность, выясняется из слов самого Светония, п. 16: [α] *Multa sub eo [Nerone] et [aa] animadversa severe et [bb] coercita, [β] nec minus instituta*. “*Instituta*“, категория β, начинаются со слов: “*adversus falsarios tunc primum repertum*“. Все предшествующее составляет категорию α. На что правительство “обратило серьезное внимание“ [aa], Светоний поясняет четырьмя примерами; следующие три “*afflicti supplicii – relegatae*“ показывают, что некоторых при Нероне действительно “обуздали“ [bb]. Но распоряжение: *pantomimorum factiones cum ipsis simul relegatae* едва ли могло быть чем другим, как только временною полицейскою мерою, единичным случаем *coercitio*. Рамсэй вынужден и в этом видеть постоянно действующее мероприятие. Но тогда пантомимам в Риме и житья бы не было.

²⁾ Ср. однако суждение Моммсена (*Römische Geschichte, Berlin 1886, V, 4*): *Wer an die sogenannten Quellen dieser Epoche, auch die besseren geht, bemerkt schwer den Unwillen über das Sagen dessen, was verschwiegen zu werden verdiente und das Verschweigen dessen was nothwendig war zu sagen.*

³⁾ Tertull. *ad nationes*, 1,11 = *apologetic.* e. 16.

осталась неизвестна ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία Иосифа Флавия, написанная в Риме в 93 – 94 году и посвященная Епафродиту, быть может грамматiku и собственнику большой библиотеки, богатой редкими сочинениями. Искусство делать рекламу знакомо было иудеям издавна, и священник полемист и историк, пользовавшейся покровительством при дворе Флавиев, едва ли был совсем незаметен в Риме. Незнакомство с его трудом походит на тенденциозное игнорирование.

Тацит нисколько не маскирует своего отношения к иудеям: глухое концентрированное презрение к ним делает его неспособным понять в их учреждениях высокое. «Profana illic omnia quae apud nos sacra, rursum concessa apud illos quae nobis incesta». «Inter se nihil illicitum». Эти громкия «omnia» и «nihil» отзывают клеветою: так трудно наполнить эти широкие рамки определенными понятиями! «Judaeorum mos absurdus sordidusque», «instituta sinistra foeda», оказываются такими только потому, что римский историк считает в иудее преступлением то, что в римлянине признал бы за добродетель, и подставляет злостные побуждения под такие религиозные учреждения иудеев (принесение в жертву тельцов и овнов), которые не разнятся от римских. – Так судит о религии и нравах ненавидимого народа писатель, которого восхваляли за умение рассуждать eloquentissime et, quod eximium orationi eius inest, σεμνῶς⁴). И есть все основания опасаться, что Annal. 15, 44 написаны в том же духе, в каком Histor. 5, 2–9; что и в отношении к христианам Тацит держит себя не менее σεμνῶς: переносит на них все свое отвращение от иудеев, зная, что Judaea – origo huius mali. Он не только смешивает, подобно своим современникам, христиан со всяким восточным сбродом, который – как предложение на спрос – являлся в Рим и не церемонился в выражении своей нравственной сущности, – но и не скупится на такие черные краски, которых нет в известиях о христианах у других писателей. У Светония христианство – superstitio nova et malefica, у Плиния – только superstitio prava inmodica: у Тацита – exitiabilis superstitio. О предполагаемых flagitia христиан Светоний молчит; Плиний докладывает, что следствие не подтвердило его подозрений в этом направлении: у Тацита христиане – per flagitia invisī. Плиний признает христиан достойными смертной казни, debere puniri, подчеркивая при этом их obstinatio: для Тацита они – sontes et novissima exempla meriti. И немножко гуманности (miseratio) на подкладке республикански гражданской скорби (in saevitiam unius) скорее подчеркивает, чем смягчает тон непоколебимой холодной враждебности, взятый Тацитом в отношении к христианам. «Vile damnum!»⁵) здесь было бы столь же на месте.

Когда писатель выносит в корне фальшивое представление о христианах, нужно допустить, что или его источники очень плохи или его работа над ними

---

⁴ Plin. epist. 2, 11, 17.

⁵ Из annal. 2, 85.

довольно небрежная. О Таците во всяком случае следует допустить последнее предположение. Изображение христиан у него столь же мало страдает избытком кропотливости, сколько и очерк иудеев. Там широкий мазок в виде «profana illic omnia quae apud nos sacra»; здесь барски небрежные «sontes» и «qui fatebantur», словно все эти pereuntes, ingens multitudo, не стоили даже того, чтобы определенно формулировать смысл их «сознания», их предполагаемое преступление. Там «adversus omnes alios hostile odium»; здесь «odio humani generis convicti sunt». – Эти признаки едва ли предрасполагают думать, что Тацит по меньшей мере в других подробностях был научно точен. Особенно мало вероятно, чтобы он дал себе труд – точно разграничить те сведения о христианах, которые были доступны ученому II в., от того, что сказано было о них в первоисточниках по поводу гонения при Нероне. Тацит конечно полагал, что, сообщая о христианах больше данных, он только исполняет свой долг писателя, а не переписчика. Между тем период правления Флавиев в истории христианской церкви имеет (в известном отношении) такое же значение, как патриаршество Никона в истории старого обряда. Прежде всего удаление, μεταστάσις, христиан иерусалимских в начале иудейской войны в Пеллу, вдали от театра военных действий, после, 70 г. конечно тяжело было вменено иудеями христианам-единоплеменникам, а затем и всем христианам вообще. Сказавшийся в этом факте разрыв между церковью и синогогою мог быть только полным и окончательным. Совершенно в порядке человеческих отношений, если верные своим национальным мечтаниям иудеи, надеявшиеся на что-то от возстания при Нероне, возненавидели своих собратьев между христианами как изменников, возненавидели совершенною ненавистью патриотов, утративших свое отечество; а этот патриотизм мог внушить семиту и такая строфа: «Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! блажен, кто возьмет, и разобьет младенцев твоих о камень!»⁶). Теперь не только вопрос, за кого считать Иисуса Назарянина и что думать об обязательности моисеева закона, разделял иудея от христианина, но и сбывшееся пророчество: разоренный Иерусалим и сожженный храм. При этих обострившихся отношениях мудро было и римлянам не заметить, что есть иудеи и иудеи. Затем чисто правовые последствия падения Иерусалима вели к тому же результату.

Iudaea capta⁷), не стало более иудеев как национальности, явились «οἱ ποτὲ ἰουδαίου», peregrini dediticii; на место πολίτευμα осталась συναγωγή как collegium cultorum, в которую нужно было «записываться», profiteri, заявлять о своем желании iudaicam vivere vitam и платить за право посещать синогогу

---

⁶ Псалом 136, 8. 9.

⁷ Sueton. Vesp. 5: unus ex nobiles captivis Iosephus. Arnold, Die neronische Christenverfolgung, Leipzig 1888, 38, полагает, что Tacit, hist, 5, 33 (= Sueton. Vespas. 4) заимствовано из Ioseph. de bello jud. 6, 5, 4.

дидрахму в храм Юпитера капитолийского. Сбор этой дидрахмы при Домициане, строгий и придирчивый, дал в руки низшим представителям римской администрации – можно сказать помимо их желания – довольно значительный статистически материал для заключения о действительной численности настоящего иудейского населения⁸). Администрация должна была понять, что до

---

⁸ Существенно важно показал *Sueton. Domit. 12: exhaustus operum ac munerum impensis stipendioque – temptavit etc. – Confiscabantur alienissimae hereditates – Praetor ceteros iudaicus fiscus acerbissime actus est; ad quem deferebantur qui vel inprofessi iudaicam viverent vitam, vel dissimulata origine imposita genti tributa non pependissent. Interfuisse me adulescentulum memini, cum a procuratore frequentissimoque consilio inspiceretur nonagenarius senex an circumsectus esset. Mommsen, Der Religionsfrevel, 425, замечает, что требование этой подати с inprofessi было злоупотреблением. Однако эти inprofessi все же „жили по-иудейски“, и неплатеж подати с их стороны был злоупотреблением. Напротив, вторая категория, те природные иудеи, которые скрывали свое происхождение и – по-видимому – по-иудейски не жили (иначе в чем же могло выразиться их dissimulatio?), были привлечены к fiscus iudaicus действительно по злоупотреблению. Наличное положение ясно: желают пополнить опустелую казну и собрать сколько возможно больше денег. И к fiscus iudaicus [при этом нельзя опускать из вида воззрения *Моммсена*, *Röm. Gesch. V, 539*, что подать на храм с иудеев не была сложена, „но в виде горькой пародии поступала теперь к Юпитеру капитолийскому и его представителю на земле, римскому императору“, – против *Arnold, 102,1*] привлекали всех, кого можно привлечь. И едва ли столько хлопот дали себе прокуратор и его consilium, чтобы только взыскать с 90 летнего старца дидрахму, т. е. 2 денария = 6,6 g. серебра = 36,67 коп. курант. серебра; вероятно за уклонение от fiscus iudaicus положена была если не конфискация всего имущества (*Arnold, 102,1*), то очень тяжелый штраф. А так как при Нерве была выбита медаль FISCO IVDAICI CALVMNIA SVBLATA, то всего естественнее предположить, что „клеветнический“ характер взыскания этого фиска и – штрафов дал себя почувствовать и римским гражданам совсем не иудейского происхождения – видимо вследствие того, что сборщики этого фиска признавали удовлетворительными и совсем легковесные доказательства того, что данное лицо живет по-иудейски, действовали на угад, по легкомысленному подозрению. Едва ли возможно настаивать что под категорию „qui vel inprofessi iudaicam viverent vitam“ подходят только природные иудеи, не желавшие платить дидрахмы в виду „горькой пародии“, связанной с этой податью, и потому не заявлявшие о себе, где следует; вероятно туда же относятся „καὶ ἄλλοι ἐς τὰ τῶν ἰουδαίων ἦθη ἐξοκέλλοντες πολλοί“, о которых у *Dio Cass. 67, 14*, – лица не иудейского происхождения, которые потому остались inprofessi, что не имели надежды получить от правительства разрешение жить по-иудейски. Финансовая цель и в отношении к ним достигалась верно: если их неудобно было штрафовать за неуплату дидрахмы, то coercitio за соращение в superstitio externa была под рукою: καὶ οἱ μὲν ἀπέθανον, οἱ δὲ τῶν γούν οὐσιῶν ἐστερήθησαν. Строгость и придирчивость при взыскании fiscus iudaicus могли быть вызваны тем, что число professi далеко не достигало той цифры, какую, по мнению общества, представляла масса иудейского населения. В действительности же общественное мнение причисляло к иудеям таких лиц, которые иудеями не были ни по вере ни по происхождению. Что это предположение имеет за себя большую вероятность, видно из следующего. Христианские писатели хорошо знают, что при Домициане было гонение на христиан; между тем Евсевий (*hist. eccles. 3, 18, 5; Eusebii chronicorum libri duo, ed. A. Schoene, Berolini 1866, vol. 2, 160. 162. 163*) только у языческого писателя Бруттия (*Βρόττιος*, у Иеронима *Bruttius*) нашел прямое упоминание о христианах (οἱ γὰρ καὶ τὸν καιρὸν ἐπ’ ἀκριβὲς ἐπεσημήναντο, ἐν ἔτει πεντεκαίδεκάτῳ Δομετίλλαν ἱστορήσαντες, ἐξ ἀδελφῆς γεγονυῖαν Φλαουίου Κλήμεντος, ἐνὸς τῶν τῆνικάδε ἐπὶ Ῥώμης ὑπάτων, τῆς εἰς Χριστὸν μαρτυρίας ἔνεκεν εἰς νῆσον Ποντίας κατὰ τιμωρίαν δεδόσθαι. Древний армянский перевод церковной истории Евсевия, изданный в*

тех пор она причисляла к иудеям ошибочно и таких лиц, которые и знать не желают иудеев, которые не только не принадлежат к этой народности по происхождению, но и не посещают иудейских синагог, а имеют свои молитвенные собрания ⁹). Имя «christiani», к которому администраторы относились до тех пор равнодушно, по необходимости должно было выступить как точное обозначение мнимых иудеев.

Не удивительно поэтому, что при Нерве и Траяне, христиан с иудеями не смешивает никто: ни Плиний, ни Тацит, ни Светоний. Но значит-ли это, что христиан не смешивали с иудеями и при Нероне? Конечно, если верить Тациту на

Венеции в 1877 г. мхитаристом вардапетом *А. Чарьяном*, своими $\delta\omicron\upsilon\sigma\tau\eta\ \kappa\epsilon\rho\nu$ = „дочь сестры“ и $\text{Πονδία}\iota$ подтверждает точность наличного текста, согласного и с хроникою. Известия Диона Кассия о казни экс-консула Фл. Климента и ссылке его жены Фл. Домитиллы Евсевий или не знал или – вероятнее – не считал себя в праве, на основании простого $\epsilon\pi\eta\nu\acute{\epsilon}\chi\theta\eta\ \delta\grave{\epsilon}\ \acute{\alpha}\mu\phi\omicron\iota\nu\ \epsilon\gamma\kappa\lambda\eta\mu\alpha\ \acute{\alpha}\theta\epsilon\omicron\tau\eta\tau\omicron\varsigma\ \acute{\upsilon}\phi'\ \eta\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\iota\ \epsilon\varsigma\ \tau\grave{\alpha}\ \tau\omicron\omega\nu\ \iota\omicron\upsilon\delta\alpha\iota\omicron\nu\ \epsilon\theta\eta$ κτλ., – разматривать их как мучеников за Христа пострадавших; очевидно в доступных ему древних церковных памятниках Евсевий не встретил указаний, что римская церковь Фл. Климента, *consul ordinarius* 95 г., и его жену Фл. Домитиллу признавала за христиан. И *H. Achelis* (*Acta ss. Nerei et Achillei [Harnack's Texte u. Untersuchungen zur Geschichte d. altchristlichen Literatur Leipzig 1893, Bd. XI, 2], 49 – 51*) справедливо сомневается в личном тождестве Флавии Домитиллы у Диона и Флавии Домитиллы у Бруттия: $\epsilon\grave{\xi}\ \acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\eta\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \gamma\upsilon\nu\alpha\iota\kappa\alpha,\ \epsilon\iota\varsigma\ \nu\eta\iota\sigma\omicron\nu\ \text{Ποντ}\acute{\iota}\alpha\nu\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\iota\varsigma\ \text{Πανδατε}\rho\acute{\iota}\alpha\nu$, – признаки в пользу скорее различия, чем тождества. Этот Бруттий у других авторов не упоминается. Между тем Тацит, Светоний и Дион Кассий вовсе не упоминают об этом гонении на христиан. *Sueton. Domit. 15. Flavius Clementem patruem suum, contemptissimae inertiae, – repente ex tenuissima suspicione tantum non in ipso eius consulatu interemit.* Правда, текст Диона Кассия не сохранился; но составлявший $\epsilon\pi\iota\tau\omicron\mu\eta\ \nu$ его истории, Иоанн Ксифилин (в 1071 – 1078 гг.), племянник патриарха константинопольского, очевидно не пропустил бы известия о христианских мучениках. И соответствующая книга анналов Тацита тоже не дошла до нашего времени; но нет никаких оснований сомневаться в том, что Сульпиций Север ею мог пользоваться; а он говорит (*Chron. 2, 31, 1*) только: *Domitianus, Vespasiani filius, persecutus est christianos. quo tempore Iohannem apostolum atque euangelistam in Pathmum insulam relegavit.* Это известие почерпнуто очевидно из христианских источников. – Следовательно, *даже и в это время, в 95 – 96 гг., христиан принимали за иудеев.*

⁹ *Mommsen, Der Religionsfrevler, 424. 425.* „Природный иудей de jure не подлежал этой подати, если он не „жил по-иудейски“, и наоборот теперь мог и римский гражданин получить право – соблюдать иудейские религиозные обряды. Само собою разумеется, из этого еще вовсе не следует, что этот выбор предоставлен свободному усмотрению каждого; *professio* доставляло правительству в руки возможность – давать это разрешение одним и отказывать в нем другим. И если природным иудеям, напр. историку Иосифу Флавию и его потомкам, это было дозволено; то лицам высших сословий не иудейского происхождения конечно не легко давали разрешение на переход в иудейство“. 418. „Против маленьких людей вероятно никогда [при Флавиях] не возбуждали в широких размерах преследования за совращение в иудейство“. „Факт, что при Домициане привлекали к уплате иудейской подати даже и тех, которые, не заявив о своем переходе в иудейство, *ohne übergetreten zu sein*, жили однако по-иудейски (*Sueton, Domit. 12*), просто-на-просто несовместим с уголовным преследованием за прозелитизм, lässt sich mit criminellem Ahndung des Proselytismus schlechthin nicht vereinigen“. Повидимому Моммсен и в $\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\iota\ \mu\omicron\lambda\lambda\omicron\iota$ Диона Кассия, подвергшихся $\epsilon\gamma\kappa\lambda\eta\mu\alpha\ \acute{\alpha}\theta\epsilon\omicron\tau\eta\tau\omicron\varsigma$ за свое „иудействование“, видит римских аристократов (*S. 409: die angehörigen des flavischen Kaiserhauses und deren Genossen*).

слово, то римская полиция в 64 г. умела произвести преследование христиан так, что оно вовсе не затронуло иудеев. Но едва-ли так было на самом деле. В подложной переписке между Сенекою и ап. Павлом выгодно отличается чистотою работы от других посланий то письмо, в котором мнимый Сенека извещает апостола о римском пожаре. По-видимому у составителя этого послания был под руками источник до нас не дошедший, и может быть из него заимствовал автор и следующие строки: «*Christiani et judaei quasi machinatores incendii supplicio adfecti, ut fieri solet*»¹⁰). Но рассказ Тацита, если он исторически точен, ведет к целому ряду других предположений, столь-же мало правдоподобных. *Subdidit geos*, наметил мнимых виновных сам Нерон. Следовательно в июле 64 г. о существовании христиан, как секты отличной от иудеев, знает уже сам император или, по меньшей мере, самые близкие к нему люди, поставленные во главе правления, – не какие-нибудь низшие полицейские чины, вынужденные волею-неволею входить в сношения с темными нелюбимыми, иногда подозрительными иудеями, задавать им строгие вопросы: «*Ede ubi consistas; in qua te quaero proseucha?*»¹¹) и научившиеся сортировать иудеев по «просевхам». Нерон знает и то, что низшее римское население, *vulgus*, ненавидит этих христиан и ненавидит именно за *flagitia*, не за *scelera*, не за *facinora*; он знает следовательно, какия

---

¹⁰ *E. Westerburg*, *Der Ursprung der Sage, dass Seneca Christ gewesen sei. Eine kritische Untersuchung nebst einer Rezension des apokryphen Briefwechsels des Apostels Paulus mit Seneca.* Berlin 1881. Вестербург, SS. 16 – 18, склонен думать, что автор epist. 12 имел пред собою только Tacit. 15, 40. 41. *A. Harnack* (*Theologische Literaturzeitung*, VI (1881), 449) в рецензии исследования Вестербурга пишет: „Ценное историческое предание содержится только в 12 послании – и именно о пожаре при Нероне. Если даже смотреть на это послание только как на плагиат знаменитого места у Тацита: то все же оно в высокой степени интересно прежде всего по своей исключительной своеобразности (*Einzigkeit*) в церковной литературе, далее по характеру модификации, какой подвергся здесь рассказ Тацита, но преимущественно потому, что здесь вместе с христианами упоминаются и *иудеи* как подставные *machinatores incendii*. Я согласен с Вестербургом в том, что может быть это 12-е послание – но и только одно оно – уже в оригинале составлено на латинском языке и следовательно не входило в состав первоначального собрания этих писем“ [которые, по Гарнакку, появились вероятно в Риме на греческом языке между 200 и 250 гг. по р. Хр.]. – Как и Тацит и Светоний, псевдо-Сенека в ep. 12 истинным виновником поджога считает самого Нерона. „*Incendium urbs Romana manifeste saepe unde patiatur constat: sed si effari humilitas humana potuisset, quid causae esset, et inpune in his tenebris loqui liceret, iam omnes omnia uiderent*“. Письмо кончается сообщением: „*centum triginta duae domus, insulae quattuor sex diebus arsere, septimus pausam dedit*“. Чтобы ни думать о странном *insulae quattuor* (по *Westerburg*, 17, автор по невежеству принял *insulae* за *regiones*, по моему мнению, между *insulae* и *quattuor* пропущено несколько слов или же после *quattuor* выпало „*millia et...*“), во всяком случае цифру „132“ псевдо-Сенека заимствовал не у Тацита. Нет оснований подозревать, что автор послания, несомненно христианин, поставил ее – что называется – „от ветра главы своея“: он предпочел бы в таком случае сообщить цифру христиан, пострадавших при Нероне. С точки зрения тенденции апокрифической переписки, цифра сгоревших зданий не имеет важности; если же эти „132 *domus, insulae...*“ упомянуты, то – потому, что неизвестный автор нашел эти строки в своем первоисточнике – может быть одним из тех сочинений, из которых черпал и Тацит. В таком случае „*et judaei*“ имеет положительную ценность, как поправка к рассказу Тацита. „Сочинять“ такую подробность христиане III – IV вв. едва-ли имели побуждения.

¹¹ *Juvenal*, sat. 3, 296.

мерзости приписывают христианам. Но в таком случае, «vulgus» сравнительно давно отличил христиан от иудеев, если к 64 г. уже приписывал первым чудовищные flagitia и ненавидел их так, что способен был от их руки ждать себе всего недоброго.

Ко времени пожара христианство насчитывало уже около 30 лет существования. Но было бы несправедливо думать, что римское правительство этим сроком уже воспользовалось для того, чтобы вызвать христиан в их отличительных особенностях. Слишком брезгливо относился римлянин к иудею для того, чтобы своевременно оказаться в курсе духовного движения, зародившегося в недрах этой презираемой superstitio. Когда между 50 – 52 годами римские синагоги пришли в страшное возбуждение из-за вопроса о христианах, римские власти заметили эти assidui tumultus и – еще то, что в Риме иудеев «опять стало много». Всмотреться в смысл этих tumultus, дознаться их настоящей причины, не дали себе труда; имя Χριστός повторялось слишком упорно в устах этих tumultuantes, чтобы не дойти до сведения полиции, и она просто решила, что иудеев возбуждает какой-то Χρηστός, и, не разбирая, кто из споривших прав и кто виноват, приняла те или другие меры, чтобы часть иудеев «выгнать из Рима»¹²). – В 52 г.¹³) коринфские иудеи вздумали было искать защиты своему «закону» у проконсула Ахаии Юния Аннея Галлиона и обвиняли пред его трибуналом ап. Павла в том, что «он учит людей чтить Бога не по закону», παρὰ τὸν νόμον. Образованный римлянин и не подумал воспользоваться этим случаем, чтобы раскрыть, нет-ли между иудеями последователей этой religio nova externa, которые может быть уже не имеют права на те привилегии, которые Рим предоставляет последователям иудейской религии и которые очевидно самым своим существованием оскорбляют эту привилегированную нацию, gens Iudaeorum. Проконсул даже не допустил апостола и до защиты, прямо заявив, что в жалобах иудеев не усматривается состава преступления: ни injuria, ни dolus malus. Идут какие-то ζητήματα о каком-то λόγος, об ὀνόματα, ο νόμος, –

---

¹² Sueton Claud. 25: iudaeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Roma expulit. Dio Cass. 60, 6: τοὺς τε ἰουδαίους πλεονάσαντας αὐθις [после Тиверия]. О мерах Mommsen, D. Religionsfrevel, 408. 416. В числе изгнанных оказались и христиане из иудеев. Деян. ап. 18, 2. Толкование места Светония в смысле Χρηστός = Χριστός обычное. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, Leipzig 1886, Bd. 2, 509. W. Möller, Lehrbuch der Kirchengeschichte, Freiburg i. Br. 1889, Bd. 1, 77. Mommsen, Röm. Gesch., V, 523, находит, что такое недоразумение у Светония предполагают ohne zureichenden Grund. Но и существование „бунтовщика Хреста“, нигде кроме данного места не упоминаемого, только осложняло бы историю одним чистым неизвестным. Non sunt multiplicandae causae.

¹³ В основе принимаемой мною хронологии Деяний апостольских лежит предположение, что ап. Павел осенью 58 г. (а не 60 или 61) отправлен был из Кесарии в Рим, Деян. 27, 1. 9, и летом-осенью 62 г. может быть уже скончался мученически. Мотивы Христ. Чтение, 1893, II (День и год мученической кончины св. евангелиста Марка), 432-434.

вопросы, разбирать которые проконсул не имеет ни обязанности, ни охоты. «Разбирайтесь сами; я не хочу быть судьей в этом», – ответил проконсул обвинителям, «и прогнал их от судилища» – к великому удовольствию коринфской черни, которая принялась бить архисинагога пред самым трибуналом; «и Галлион ни мало не беспокоился о том»¹⁴). – Палестинские события 56 – 58 гг. так-же не дали римским властям определенного результата в смысле выяснения отличия христианства от иудейства¹⁵). Иерусалимские иудеи отнеслись к ап. Павлу в высшей степени враждебно: «метали одежды и бросали пыль на воздух»; вопияли: «смерть ему! не должно ему жить!» Больше сорока человек составили заговор на жизнь Павла. Начальник иерусалимского гарнизона счел своею обязанностью спасти апостола от заговорщиков и под прикрытием сильного конвоя отправил его в Кесарию. Но эта интенсивная вражда к апостолу была явлением решительно непонятным в глазах римлянина; на лицо были какие-то «спорные вопросы в их законе» – и начальник гарнизона имел возможность собственными глазами видеть, как синедрион, судивший Павла и готовый разорвать его, перессорился между собою из-за этих вопросов, так что одна часть его членов уже «ничего худого не находила в этом человеке». И Клавдий Лисий со своей стороны тоже полагал, «что нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков». Прокуратор М. Поркий Фест, которому пришлось сряду по прибытии в Палестину пересматривать дело апостола, находился в положении несравненно менее благоприятном, чем Феликс, его предшественник, женатый на иудеянке. Страстное озлобление иудеев против Павла; вопли: «не должно ему более жить!» и – никакого понятного римлянину *crimen* на деле. Фест признал заявление апостола: «я не сделал никакого преступления ни против закона иудейского, ни против храма, ни против кесаря» вполне доказанным. В остальном – какие-то *ζητήματα* об их *δεισιδαιμονία* «и о каком-то Иисусе умершем, о котором Павел утверждал, что Он жив»¹⁶). – И действительно в характере этих *ζητήματα* нелегко было разобраться человеку даже более сведущему, чем Поркий Фест. С одной стороны апостол утверждал, что «он ничего не говорит, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили»; что «на пути», который он проповедует, он «служит Богу отцов своих»: его Бог, его вера, его надежда – те же самые, что и у иудеев. С другой стороны, и сами враги апостола имели побуждения настаивать на том, что он действительно иудей и, как такой, подсуден синедриону. «Путь», который проповедует апостол, они не признают за *religio nova*, отличную от

---

¹⁴ Деян. 18, 12 – 17.

¹⁵ Деян. 21, 30 – 26, 32.

¹⁶ Деян. 25, 19. Так непонятна была язычнику идея воскресения из мертвых! Апостол казался Фесту (Деян. 26, 24) просто „помешанным“, „зачитавшимся“. – И афиняне (Деян. 17, 18) принимают „τὸν Ἰησοῦν καὶ τὴν ἀνάστασιν“ за „ξένα δαιμόνια“. Деян. 26, 22; 24, 14. 15; 23, 6; 24, 5.

иудейства, а только за «τὴν τῶν ναξωραίων αἵρεσιν». Следовательно к трем «αἱρέσεις», уже существовавшим в иудействе (фарисейству, саддукейству, ессеистству) прибавилась только четвертая – ересь назореев. Получался спор даже не о принципах, а только о частностях. И Фест счел возможным предложить Павлу – идти в Иерусалим судиться пред враждебным ему синедрионом. В ответ на это апостол апеллировал к суду кесаря и тем поставил прокуратора в особенное затруднение: приходилось писать по делу апостола в Рим, а Фест «ничего верного» не имел сказать императору. Прокуратор обратился с просьбою к царю Агриппе – высказать свое мнение по этому делу. Выслушав апостола, царь признал, «что этот человек не делает ничего достойного смерти или уз» и что «можно было бы освободить его».

Едва ли можно допустить, что римская чернь находилась в более благоприятных условиях, чем прокуратор Фест, для выяснения различия христианства от иудейства. Если в 58 г. для прокуратора проповедь апостола оказывается загадкою и имя «христианин», которое произносит Агриппа, не вызывает в Фесте никаких ужасных представлений, не колеблет его убеждения в невинности апостола; то когда же vulgus успел составить столь определенное представление о христианах и дать ему столь широкую огласку, что о народной ненависти к христианам в 64 г. знает уже сам Нерон? – Книга «Деяний апостольских» кончается 61-м годом, и оставляет горизонт без тех грозных туч, которые рисует на нем в 64 г. Тацит. Даже иудейское население столицы относится к апостолу скорее нейтрально, чем враждебно. На «ненависть» римского народа к христианству – ни малейшего намека. Апостол «целых два года» проповедует «о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно». Его послания, писанные во время римских уз, говорят о значительных успехах евангельской проповеди в Риме, о верующих «из дома кесарева», о той известности, которою узник за Христа пользуется «во всей претории». Апостол испытывал и огорчения, но видимо от христиан известного направления, может быть и от некоторых иудеев; но опасности со стороны римских vulgus решительно вне кругозора апостола. – Таким образом, переходя от Нового Завета к Тациту, приходится сделать salto mortale или же усомниться в точности сообщений римского историка о событиях 64 г. И не одна ненависть римского народа, не только рассказы о flagitia, совершаемых христианами, вызывают это недоверие: можно ставить вопрос: самое название «christianus» пользовалось ли в 64 г. такою широкою известностью среди римского населения? То несомненный факт, что христиане, современные апостолам, сами себя так не называли: ἀδελφοί πιστοί, ἅγιοι, – вот названия, которые христиане носят в писаниях апостольских. Слово

«χριστιανός» только трижды встречается во всем Новом Завете ¹⁷). И конечно не иудеи прозвали христиан таким именем. Из уст римских иудеев времени Нерона слово «christianus» можно было слышать крайне редко. И совсем невероятно, чтобы римская толпа с чрезвычайным вниманием подмечала каждую новость в поведении всяких Campenses и Suburenses cultores ¹⁸). Естественнее предполагать,

¹⁷ Деян. 11, 26: ἐγένετο δὲ αὐτοῖς [Βαρνάβα καὶ Παύλῳ] – διδάξαι ὄχλον ἰκανόν, χρηματίσαι τε (*vulgata*: ita ut cognominarentur) πρῶτως ἐν Ἀντιοχείᾳ τοὺς μαθητὰς χριστιανούς. Деян. 26, 28: ὁ δὲ Ἀγρίππας πρὸς τὸν Παῦλον ἐν ὀλίγῳ με πείθεις χριστιανόν ποιῆσαι. 1 Петр. 4, 15: μὴ γάρ τις ὑμῶν πασχέτω ὡς φονεὺς ἢ κλέπτης ἢ κακοποιός ἢ ὡς ἄλλοτριεπίσχοπος. 16: εἰ δὲ ὡς χριστιανός, μὴ αἰσχυνέσθω, δοξαζέτω δὲ τὸν Θεὸν ἐν τῷ ὀνόματι τούτῳ. Вероятно антиоийцы-греки прозвали „учеников“ христианами в смысле религиозно-философской секты, как τοὺς ἀμφὶ Χριστόν, предположив, что „Христос“, имя которого часто слышалось в устах „учеников“, и есть их „учитель“. Cf. *Sueton.*, Claud. 25: impulsore Chresto. Конечно верующие ничего не имели против того, чтобы „внешние“ называли их христианами. Но это название не выражало точно существа их отличии от иудеев. „Христианами“ sui generis (Матф. 24, 5. 23; Марк. 13, 21; Иоанн. 1, 19. 20) были ведь и сами иудеи: и они ожидали пришествия *Χρῆστα*; иудей, отрекшийся от этой „надежды израилевой“ (Деян. 23, 6; 26, 6. 7; 28, 20), перестал бы быть иудеем. Апостолы „свидетельствовали εἶναι τὸν Χριστόν Ἰησοῦν (Деян. 18, 5. 28); иудеи этого не допускали: имя „Ἰησοῦς“, не имя „ὁ Χριστός“, отличало христиан от иудеев. Последователи Эдварда Ирвинга называют свое общество „The Catholic and Apostolic Church“: мы не можем предоставить им такого названия, потому что нашу православную церковь признаем „кафолическою и апостольскою церковью“, – и потому их общество называем „ирвингианами“. По тем же самым побуждениям убежденные иудеи никак не могли согласиться называть „учеников“ „христианами“: ἢ τῶν ναζωραίων αἰρεσις – вот единственно корректное название, которым может обозначить христиан представитель синедриона (Деян. 24, 5), и лишь иудей такой сомнительной воды, как царь Марк Юлий Агриппа II, способен священное и для иудея имя „христианин“ приложить к христианину. По всему этому невероятно, чтобы римские иудеи motu proprio просветили римский vulgus, что мнимых иудеев следует звать христианами.

¹⁸ В С.-Петербурге немцы составляют заметную часть населения; но многие ли из русских в состоянии с уверенностью ответить, евангелик, реформат или римскокатолик – тот или другой лично знакомый им немец? Не странно ли предполагать, что римский vulgus вероисповедными различиями римских иудеев интересовался более, чем русские в С.-Петербурге – вероисповеданием проживающих в столице иностранцев? Не следует забывать, что послание ап. Павла к римлянам все посвящено решению вопросов: „какое преимущество быть иудеем, или какая польза от обрезания?“ (3, 1), с какою целью дан закон? „неужели от закона грех?“ (7, 7), „неужели Бог отверг народ Свой?“ (11, 1). – Отношение ветхого завета к новому для римских христиан вопрос животрепещущий не менее, чем для самих иудеев. Следовательно, римская церковь в первую генерацию состояла конечно не из одних иудеев, но главным образом из тех οἱ σεβόμενοι, οἱ θεοσεβεῖς, из иудейских прозелитов, которых *E. Schürer*, *Die ältesten Christengemeinden im römischen Reiche*, Kiel 1894, 8, метко называет „иудейством второго порядка“. Римских христиан апостольского века римский vulgus знал ранее или как иудеев, или как тех „metuentes sabbata“, которые „judaicam vivebant vitam“. И почему всякого Кая и Сея должно было интересоваться, что какойнибудь „judaeus Apolla“ или даже Кварт или Квинт, „unus multorum“, „cui septima quaeque fuit lux Ignava“, стал посещать не ту „proseucha“, в которой видали его прежде? И если даже до слуха толпы долетало прозвание „Nazoraeus“, допустим даже – „Christianus“; то ведь в Риме были иудеи не только Statuaevalerianenses, Vicuscorvenses, Suburenses, но и Ἀγριππῆσιοι и Αὐγουστήσιοι. Почему Christiani и Nazoraei

что какое-нибудь чрезвычайное событие раскрыло глаза и римскому правительству и самой толпе и вынудило их заметить существование христиан подле иудеев.

Таким событием могло быть осуждение апостола Павла на смерть в 62 г. Подробности суда над апостолом вовсе неизвестны, и приходится по неволе возвращаться в области чистых предположений, когда ставится вопрос, чем кончились римские узы Павла. Что на «первом ответе»¹⁹⁾ он «избавился из львиных челюстей», свидетельствует он сам. Весьма вероятно, что смысл его «первой апологии» в Риме был тот же самый, что и пред Фестом в Кесарии: «я не сделал никакого преступления ни против закона иудейского» [ведаться с которым *praefecti praetorio* в Риме имели столь же мало охоты, сколько и *proconsul Achaiae* в Коринфе], «ни против храма, ни против кесаря». Вполне благоприятное апостолу *elogium* от прокуратора Феста конечно подтверждало невинность его с точки зрения римского закона. Но «второй ответ», к которому апостол готовился, когда предшествующий ответ называл только «первым», – может быть закончился приговором: «*gladio animaduerti placet*». Обыкновенно предполагают, что иудеи с успехом выставили Павла возмутителем общественного спокойствия: своею проповедью он везде, и всюду возбуждает *tumultus* среди иудеев²⁰⁾. Но красноречивою защитою апостолу мог служить тот факт, что римские власти более двух лет уже оставляют его на относительной свободе; он «невозбранно» принимает всех к нему приходящих, беседует с ними, и никакого возмущения в Риме не произошло. – В таком случае не предали ли иудеи Павла властям как апостола христианства, как проповедника *religio nova*? Но удобно ли было им доказывать это пред судом, для которого и само иудейство было только *superstitio externa* и быть может даже *absurda sinistra foeda*, который от всяких *ζητήματα περὶ ὀνομάτων καὶ τοῦ νόμου αὐτῶν* сторонится с чувством, похожим на отвращение? И что могли префектам претории сказать иудеи? Павел христианин, признает Христом Иисуса, который *per procuratorem Pontium Pilatum supplicio adfectus erat*. Но ведь над головою Распятого стояла надпись: *Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum*. В удобном ли свете этот *titulus supra crucem* выставлял лояльность самих иудеев? И так ли ужасно для римлян, что Павел ведет с иудеями споры «о каком-то Иисусе умершем, о котором Павел утверждал, что Он жив»? Умерший политически не опасен, и в этом умершем, по убеждению Павла, осуществлены

не могли называться так по своим синагогам? почему *vulgus* должен предполагать в этих словах более глубокую разность, чем в *Agrippenses* и *Augustenses*?

¹⁹⁾ 2. Тим. 4, 16: ἐν τῇ πρώτῃ μου ἀπολογίᾳ.

²⁰⁾ Деян. 24, 5: ἐυρόντες γὰρ τὸν ἄνδρα τοῦτον λοιμόν καὶ κινουῦντα στάσεις πᾶσιν τοῖς ἰουδαίοις τοῖς κατὰ τὴν οἰκουμένην, πρωτοστάτην τε τῆς τῶν ναζωραίων αἰρέσεως. „Возмущения“ иудеев против Павла в нескольких городах Азии и Европы – бесспорный факт; но еще вопрос, муниципальные власти не считали ли более виновными в этих *στάσεις* самих иудеев, чем Павла.

уже все заветные чаяния иудейского народа. Обвинители апостола этого не думали; но содержание «надежды израилевой», которой они сами держались, так ли было успокоительно для кесаря? Словом, иудеи сами понимали, что чем меньше говорить о Христе пред трибуналом префектов, тем лучше. Христианство в смысле *religio illicita* во время суда над апостолом вероятно не было поставлено. Во всяком случае, смертный приговор апостолу объясним и без этого предположения. Достаточно было иудеям заручиться сочувствием напр. Тигеллина, чтобы без всякого с своей стороны риска погубить ненавистного им Павла ²¹). Можно было доказать, что апостол по меньшей мере в том отношении не иудей, что живет не по-иудейски, что на *ritus iudaici* смотрит не так, как иудеи ²²). И во всяком случае иудей, от суда своих первосвященников апеллирующий к правосудию римского императора, повидимому более сознавал себя «римским гражданином», чем иудеем. Но всякий «римский гражданин» «иудейского вероисповедания» представлял несомненно *contradictio in adjecto* с точки зрения римского права; такое явление можно было только терпеть как факт, но в принципе таким *cives romani* всегда было можно и даже должно сказать: *Non licet esse vos!* и предложить им «*romanas caerimonias recognoscere*» ²³). Положение апостола – римского гражданина, обвиняемого своими соплеменниками в том, что он чтит Бога не по иудейскому закону, – было еще менее устойчиво. И может быть ему предложили оставить «*ritus profani*» окончательно и оправдать свое гражданство – принятием «римской религии», а за отказ от этой «*facultas ad morem romanorum redeundi*» осудили его на смерть ²⁴).

Но если даже допустить, что в 64 г. римский «народ» знал христиан в их отличии от иудеев, глубоко ненавидел первых и мотивировал свою ненависть к ним их позорными пороками; то легко ли объяснить ход розыска, те подробности, которые передает Тацит? *Igitur primum correpti qui fatebantur*. Относительно смысла слова «*fatebantur*» = «сознавались» кажется никакое сомнение невозможно: *fatebantur* = они отвечали: да на некоторый вопрос о чем-то их касающемся и для них не безразличном. Или же: в ответ на не прямой или даже немой вопрос, к ним обращенный, они сами дали показание о чем-то их

---

²¹ В борьбе с апостолом иудеи не брезговали и средствами явно бесчестными. Деян. 17, 7. Низость клеветы „*βασιλέα ἕτερον λέγοντες εἶναι Ἰησοῦν*“ не могла быть не понятна и самим „ревнителям“, ее распускавшим.

²² Галат. 2, 11 – 14; Колосс. 2, 16. 17. 21.

²³ Так и поступил с иудеями *libertini generis* Тиберий. *Mommsen*, D. *Religionsfrevler*, 407. 408. 416. 417.

²⁴ Tertullian. *Scorpiace*, 15: *orientem fidem Romae primus Nero eruentavit. – Tunc Paulus civitatis romanae consequitur nativitatem, cum illie martyrii renascitur generositate*. Эти слова – вероятно просто красноречие; но не невозможно и то, что до Тертуллиана дошло известие, что именно римское гражданство апостола было юридическим мотивом для постановления ему смертного приговора.

касающемся. Нравственная природа понятия *fateri* дорисовывается дополнительной, но часто наблюдаемую чертой некоторого самоотвержения: они сами без положительного принуждения ответили: да, хотя для их эгоизма было бы выгоднее сказать: нет; они рассказали что-то, о чем их себялюбие располагало бы их молчать²⁵). – Но содержание этого «сознания»²⁶) несомненно неясно вследствие допущенной здесь Тацитом двойной небрежности: он пропустил необходимое дополнение в виде *accusativus cum infinitivo* и в предшествующем поместил два показания, так что возможно проектировать два дополнения: а) *fatebantur se christianos esse*, и в пользу такого дополнения говорит то, что оно взято из фразы ближайшим образом предшествующей (γ) и непосредственно пред *igitur* разъясненной (во вводном предложении δ) – и б) *fatebantur se incendium fecisse*, и в пользу этого дополнения можно указать на то, что хотя оно взято из фразы несколько более отдаленной (α), но это *igitur* решительно возвращает течение речи именно к этому пункту, именно его раскрывает ($c=\alpha$). – Если, таким образом, не бесспорен даже грамматический смысл этого «*igitur fatebantur*»; то еще труднее усмотреть в нем смысл исторический, понять, что же именно происходило в действительности в 64 г.²⁷). И может быть и грамматический

²⁵ Ср. Tacit. annal. 1, 13. *fessusque clamore omnium, expostulatione singulorum flexit [Tiberius] paulatim, non ut fateretur suscipi a se imperium, sed ut negari et rogari desineret.* – 1, 44. *supplices ad haec et vera exprobrari fatentes orabant [milites] puniret [Germanicus] noxios, ignosceret lapsis – 1, 58. pro iuventa et errore filii veniam precor: filiam necessitate huc adductam fateor. tuum [Caesar,], erit consultare, utrum praevaleat, quod ex Arminio concepit an quod ex me [„Segeste,] genita est.*

²⁶ Вот контекст этого знаменитого места: (a) *sed non – decedebat infamia, quin iussum incendium crederetur.* (b) *ergo abolendo rumori Nero (α) subdidit reos et (β) quaesitissimis poenis adfecit, ($\gamma=\alpha\beta$) quos per flagitia invisos vulgus christianos appellabat. (§ $\delta=\gamma$) auctor neminis eius Christus Tiberio imperitante per procuratorem Pontium Pilatum supplicio adfectus erat; repressaque in praesens exitiabilis superstitio rursus erumpebat, non modo per Iudæam, originem eius mali, sed per urbem etiam, quo cuncta undique atrocita aut pudenda confluunt celebranturque. (c = α) igitur (A) primum correpti qui fatebantur, (B) deinde indicio eorum multitudo ingens haud proinde [cod. Mediceus s. XI, единственный источник текста, „pInde“, что, по Orelli-Baiter, =perinde] in crimine incendii quam odio humani generis convicti [это convicti – лишь всеми принимаемая конъектура, cod. Med. „cIuncti“=coniuncti] sunt (d= β) et pereuntibus addita ludibria, ut ferarum tergis contacti laniatu canum interirent, multi crucibus adfixi aut flamma usti, aliique, ubi defecisset dies, in usum nocturni luminis urerentur.*

²⁷ Тацит, кажется не без лукавства, прячет свое суждение о Нероне под маскою строгой объективности: он и не приписывает ему поджога, как это делают Светоний и псевдо-Сенека, но и не снимает с Нерона этой вины; „rumor“ (15, 44) возводит это обвинение; *pervaserat rumor – eum – cecinisse Troianum excidium*“ (15, 39); но в конце концов „non – decedebat infamia“ (15, 44). В том же „объективном“ тоне составлено и начало рассказа о пожаре (15, 38): „*sequitur clades, forte au dolo principis incertum (nam utrumque auctores prodidere)*“. Здесь по-видимому *tertium non datur*: или *forte*, и тогда в пожаре невиновен никто; никаких *sontes*, никаких *incendii rei*; или же *dolo*, и тогда виновен сам Нерон. Однако же „*Nero subdidit reos*“ (и конечно *incendii reos*), и невозможно понять, как сам Тацит квалифицирует этот последний поступок Нерона. Ср. Tacit, ann. 1, 39: *avidos et conscientia vaecordes intrat metus, venisse patrum iussu qui inrita facerent quae per seditionem expresserant. utque mos vulgo quamvis falsis reum subdere, Munatium Planeum –*

смысл фразы скорее затемнен, чем разъяснен пререканиями филологов именно вследствие того, что они, предубежденные в пользу Тацита, далеки были от мысли, что знаменитый историк сказал здесь нечто исторически несообразное, и – сами того не подозревая – захотели быть апологетами Тацита и – вместо задачи филологов-комментаторов данного текста, которые ищут в нем только «auctoritas», только тот смысл, который влагает в него сам автор, и не ясное для самого автора не выдают за ясное его читателям, – взяли на себя труд – быть историками гонения на христиан при Нероне и потому решились оспаривать наличие того смысла в рассматриваемой тираде, который должен признать филолог и не может принять историк.

В самом деле, если признать (провизорным образом), что Тацит хотел сказать: «fatebantur se incendium fecisse», – полная историческая несостоятельность этого показания выясняется сразу. Ведь если христиане – а Тацит говорит именно о христианах, не об иудеях и ни о ком другом, – сознались, то-есть, не под пыткой, а добровольно показали, что они подожгли Рим; то следовательно действительно они, и не кто другой, виновники этого поджога, этого преступления. Тот историк, для которого этот вывод не абсурд, очевидно вынужден признать, что о древних христианах мы решительно ничего не знаем; что далее и первая строка истории христианства еще не написана... Но этот абсурд, никем не защищаемый, еще вовсе не абсурд с точки зрения Тацита: в суждении о характере христиан он ошибся *toto coelo* и потому мог допустить, что Рим подожгли действительно христиане. Допускал ли он это на деле, иной вопрос. – Несравненно более неудобна для историчности рассказа Тацита другая постановка вопроса: допуская даже, что *qui fatebantur se incendium fecisse* были не христиане (как ошибочно полагал Тацит), а несколько вредных личностей, которые действительно подожгли Рим, – можно ли отстаивать историческую достоверность этих строк Тацита? По моему мнению, психологически невозможно, чтобы кто-нибудь в августе-сентябре 64 г. сознался: да, это я поджег цирк. И наивна была бы та полиция, которая в ту пору кому-нибудь предложила бы *ex abrupto* вопрос: *nonne tu incendium fecisti?* «Кому не любя на плечах голова?» Кто не понимал, что за сознание помилованья ему не будет, что его ждет лютая казнь? Следовательно такое откровенное дополнение, как «*se incendium fecisse*», если оно действительно предносилось уму Тацита, представляет историческую несообразность.

---

auctorem senatus consulti incusant. Следовательно и Нерон может быть высказал только догадку, что в поджоге виновны христиане, – догадку не преступную и в том случае, если пожар произошел „*forte*“. Если же это было „*iussum incendium*“, то Нерон или просто погубил лиц несомненно невиновных или же выдал действительных виновников поджога, своих сообщников, выполнивших его приказания. Христиан Тацит третирует не лучше, чем Нерона. *Arnold*, 26 – 28. Вместо того, чтобы сказать ясно, были они виновны *в поджоге* или невиновны, он ставит загадочное „*sontes*“. Возможно и то, что в 15, 44 он берет назад дилемму, поставленную в 15, 38, и заменяет ее уже трилеммой: *forte an dolo principis an facinore christianorum.*

Другое дополнение, «se christianos esse», как кажется, обязано своим появлением не тексту Тацита, а сознанию, что иначе нельзя отстаивать историчность его рассказа. Это – своего рода Ehrenrettung Тацита. Мы очень хорошо знаем, в чем действительно могли «сознаваться» и «сознавались» христиане. У Плиния читается показание: «interrogavi ipsos an essent christiani, confitentes iterum ac tertio interrogavi». ²⁸⁾ Это безукоризненно точное сообщение пытаются прочесть и в небрежных строках Тацита. Неудобно однако то, что те исторические христиане, с которыми имел дело Плиний, не походят на ту зловредную гнусную секту, какую представляет их Тацит. В таком «христианстве» «сознаться» пожалуй почти так же трудно и опасно, как и в поджоге. С другой стороны, «народ» по-видимому так хорошо знал христиан, что не совсем понятно, на что еще нужно было собственное их сознание. Или эти христиане и не думают скрываться от кого бы то ни было, или же полиция поступает слишком доверчиво, когда решается кого-нибудь из них спросить: *nonne christianus es?* Во всяком случае контекст в широком смысле слова не благоприятствует такому толкованию слова *fatebantur*. Что при словах «*Nero subdidit reos*» нужно подразумевать опущенное «*incendii*» (*reos*), едва ли кто-нибудь сомневается. Только совсем беспомощное убожество может пытаться реабилитировать свое доброе имя не прямым опровержением того, что набрасывает на него тень, *infamia*, а каким-нибудь сенсационным процессом, который займет внимание толпы и – на время – заставит ее забыть об этой «*infamia*». В таком жалком положении Нерон в 64 г. не находился, и начатый по его приказанию судебный процесс направлен был против поджигателей. И закончен он был в том же самом направлении. Его последний результат, по словам Тацита, если перевести их на современный язык, был следующий: прямых улик в поджоге судебное следствие открыло немного, но косвенные улики против подсудимых нашлись подавляющие; и суд вынес твердое нравственное убеждение, что люди столь вредного образа мыслей, столь злонамеренные, конечно подожгли Рим. В этом смысле постановлен был и приговор против подсудимых, приведенный в исполнение в тоне свирепой *talio*: поджигателей жгут.

---

²⁸⁾ С. Plini et Traiani ep. 96.

К вопросу об Acta Martyrum Scilitanorum

I.

Состояние вопроса

Научные исследования по вопросу об Acta Martyrum Scilitanorum разрешились довольно неопределенным результатом. В известном standard-work, *Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius von Adolf Harnack* (Leipzig 1893) Эрвин Пройшен (Preuschen) состояние этого научного вопроса описывает в таких чертах:

«Acta Martyrum Scillitanorum [так] сохранились в нескольких рецензиях:

а) Греческая рецензия, начинающаяся словами: «Ἐπὶ Πέροσωντος τὸ β» в Cod. Paris. Gr. 890. впервые издана Узенером (Usener, *Index Scholarum Bonnae* 1881), затем Робинсоном (J. A. Robinson, *The Passion of. S. Perpetua in Texts and Studies I, 2*, Cambridge 1891. pp. 113 – 117). Эта рецензия не подлинник, а переделка латинского (aus dem Lateinischen geflossen), но во всяком случае представляет очень древний вид текста.

б) Очень близко родственна этой греческой латинская рецензия, начинающаяся словами: Praesente bis. Сполна этот текст издан Робинсоном (ibid., pp. 112 – 116) по Cod. Mus. Brit. 11,880» (SS. 817.818).

Дальнейшее не имеет значения для вопроса.

Как известно, Узенер, издавший греческую рецензию по единственной рукописи, оконченной в апреле 890 г., высказался о тексте ее с полной определенностью. «Versionem dico graece enim haec neque agi coram proconsule Africae potuerunt neque scripta esse Carthagini probabile est». «Propono igitur narratiunculam illam simplicissimam, ex fidelium qui iudicio astiterant memoria olim ueraciter conscriptam latine». – Обэ¹ напротив, стал доказывать, что греческий

---

¹ B. Aubé, *Étude sur un nouveau texte des Actes des Martyrs Scillitains* [так], Paris 1881, p. 20. – Аргументировать в пользу оригинальности греческого текста в 1881 г. было сравнительно легко: полный латинский текст актов в то время был известен лишь в искажающих исторический тон памятника амплификациях у Баронио. в ms. Colbert., в ms. de l'abbaye de Silos, и т. п. Поставленные на очную ставку пред текстом Узенера, творцы этих позднейших рецензий уличали друг друга в сочинительстве обычно тем, что их произвольные измышления, появляясь в одной рецензии в виде плюса к греческому тексту Узенера, без следа исчезали в другой. Стр. 118 – 121 книги Робинсона выясняют это наглядно. Напр.

текст – не перевод с латинского, а самый оригинал актов, от которого зависят и который переделывают и искажают существующие латинские рецензии. – Робинсон, которому посчастливилось открыть полный текст древнейшей из существующих латинских рецензий, объявляет, что этот латинский текст древнее греческого (р. 109), что это и есть самый латинский оригинал актов и следовательно самый древний христианский латинский неотрывочный связный текст, какой только сохранился до нашего времени (р. vii). – *Пройшен*, как видим, возвращается к точке зрения Узенера. Догадку Обэ он оспаривает *explicite* («не оригинал»), а взгляд Робинсона отклоняет *implicite*, когда ставит греческую рецензию на первом месте. Но каково взаимное отношение этих рецензий и – в особенности – что такое представляет из себя эта древнейшая латинская рецензия, *Пройшен* не высказывает.

Иногда *standard-works*, как ни высоко их значение для данной научной области в ее целом, отражаются не совсем выгодно на ее отдельных пунктах. Подводя итог исследованиям по частным вопросам, такие классические труды до известной степени его фиксируют. Многие выносят то впечатление, что этот итог и есть последнее слово науки и ее дальнейшее движение в этом вопросе не имело бы уже под собою надежной почвы. По моему мнению, исследование о взаимном отношении двух основных рецензий актов должно бы завершиться не столь тощим результатом и на наличное состояние этого вопроса следует смотреть только как на эфемерное. В дальнейших строках я и пытаюсь по мере

<i>Acta ap. Baronium:</i>	<i>Mss. Colbert [=Y] et Silos [=Z]:</i>
tantum jura per genium regis nostri.	sed potius jurate per regnum [Z: per genium] dominorum nostrorum imperatorum ut vitae istius [Z: u. i. mundi] laetitia perfruatis [Z: perfruamini nobiscum].
In certamine justo nulla est remissio. Fac quod vis. Nos enim pro Christo gaudentes morimur.	In rem tam bonam [non] quaeritur [Z: i. r. t. b. qua erit] secunda deliberatio. Tunc enim deliberavimus nos a cultura [Z: n. culturam] Christi non deserere, quando baptismi gratia renovati et diabolo abrenuntiavimus et Christi vestigia secuti sumus.
Qui sunt libri quos adoratis legentes?	Quae sunt, dicite mihi, res doctrinarum in causa et religione vestra?

В греческом тексте читается только: ἀλλ' ὁμόσατε μᾶλλον κατὰ τῆς εὐδαιμονίας τοῦ δεσπότου ἡμῶν αυτοκράτορος. Ἐν πράγματι οὕτως ἐγκρίτω οὐδεμία καθίσταται βουλή ἢ διάσκεψις. Ὅποια πραγματεῖαι τοῖς ὑμετέροισι ἀποκείνται σκεύεσιν; – Из такого сопоставления текстов выясняется, что позднейшие латинские рецензии актов имеют лишь патологический интерес: как материал для истории порчи этого древнего памятника. В них неподлинно все то, что не читается буквально в древней латинской рецензии у *Робинсона*, поразительно близкой к тексту Узенера. Решился ли бы Обэ выступить на защиту первоначальности греческого текста, если бы древнейшая латинская рецензия уже и тогда была известна, это еще вопрос. Мне к сожалению неизвестно, в каком объеме Обэ продолжает поддерживать свой взгляд после появления в свет книги Робинсона.

возможности неопределенности воззрения Э. Пройшена заменить тезисами более определенными.

II.

Первоисточник актов

После издания Робинсоном древней латинской рецензии актов нуждается в пересмотре вопрос о первоисточнике актов. Имеем ли мы хотя в одной из рецензий актов так называемые *acta proconsularia*? Все существующие рецензии несомненно прошли чрез христианские руки. Древняя латинская кончается словами: «et regnant cum Patre et Filio et Spiritu Sancto per omnia secula seculorum. amen». Греческая последовательно употребляет такие выражения, как «ὁ ἅγιος Σπερᾶτος εἶπεν», «ἡ δὲ ἅγια Ἔστιά λέγει»²). Но все это относится к чисто литературной отделке актов и не затрагивает их содержания. Слова, которые произносит проконсул, ответы ему христиан, в актах могли быть изложены именно так, как они были записаны в *acta proconsularia*, в протоколах самого заседания, составленных на основании тахиграфической записи нотариев. Была ли под руками у составителя этих *Acta M. Scilitanorum* в той или другой их рецензии выписка из подлинных протоколов заседания 17 июля 180 г. или не была? Этот вопрос Робинсон не затронул ни одним словом. Но рецензия, им изданная, в том объеме, в каком она читается в *Cod. Mus. Brit. 11,880*, по моему крайнему разумению, начиная с первой ее строки *Praesente bis et Claudiano consulibus* и кончая словами: «*Uniuersi dixerunt: Deo gratias*», не содержит ни одной фразы,

---

² В древней латинской напротив читаем: „*Speratus dixit*“, „*Vestia dixit*“. Это отсутствие наименования „*sanctus*“, по мнению Робинсона, служит доказательством большей древности латинской рецензии сравнительно с греческою. Далее он отмечает, что короткому „*Speratus dixit: Deo gratias agimus*“ в греческом соответствует: „*τότε τοίνον ὁ ἀθλοφόρος τοῦ Χριστοῦ Σπερᾶτος ἐπαλλόμενος εὐχαριστίαν τῷ Θεῷ ἡμῶν τῷ προσκεκληκῶτι αὐτοῦς εἰς τὸν ὑπὲρ αὐτοῦ θάνατον ἀνέπεμψεν*“. Равным образом в самом конце актов вместо „*Uniuersi dixerunt: Deo gratias*“ в греческом мученики произносят благодарственную молитву в 25 слов. Все подобные наблюдения, по моему мнению, не имеют никакой ценности. Ведь то неоспоримый факт, что греческая рукопись закончена в 890 г. и древнейшая из латинских, „*A*“ в критическом аппарате Робинсона, *cod. Mus. Brit. 11,880*, тоже IX века. Из сравнения *ABC* видно, что в *BC* акты оканчиваются совершенно другим выражением сравнительно с *A*. В самом тексте актов *BC* позволяют себе пускаться в красноречие, которого в *A* и в греческой рецензии нет и следа. Переписчики, греческие и латинские, очевидно смотрели на некоторые подробности как на безразличные и варьировали их *ad libitum*. Разности, отмеченные Робинсоном, впрочем таковы, что христианская рука могла внести их в первоначальный текст в том же 180 г. Но делать на основании этих внешних редакционных подробностей заключения о сравнительной древности самых рецензий. – это критический прием, довольно похожий на то, как если бы кто стал сомневаться в подлинности инкунабул на том лишь основании, что на них переплет очевидно XIX в. Если бы кто Мадонну Рафаэля или Мурильо поставил в киот московского стиля, то характер западной кисти самого изображения от этого киота конечно не пострадал бы. Все, что отметил Робинсон, относится к первооснове текста лишь как киот к иконе.

которая была бы не возможна в выписке из подлинных *acta proconsularia*, хранившихся в карфагенском архиве. – Узенер, в свою очередь, не считает латинского текста греческой рецензии за выписку из *acta proconsularia*: это, по его мнению, исторически достоверное повествование, составленное по воспоминаниям верующих, присутствовавших на заседании 17 июля 180 г. Таким образом тон обеих рецензий, высокая историчность их, допускали бы такое решение вопроса:

В древнейшей латинской рецензии *Praesente bis* сохранилась выписка из *acta proconsularia*, в греческой рецензии Ἐπὶ Πέρσαντος τὸ δεῦτερον – перевод повествования, составленного христианами, которые были свидетелями-очевидцами и подвига и кончины свв. мучеников.

Можно допустить, что в числе христиан, находившихся в секретарии во время суда над мучениками, находились и «тайные скорописцы»³), и их черновые тахиграфические наброски находились в распоряжении того христианина, который редактировал латинскую запись актов, переведенную затем на греческий язык. Этим удовлетворительно объясняется бы поразительная точность, с которой христианские акты передают не только самую последовательность вопросов Сатурнина и ответов мучеников, но и самые слова проконсула и христиан, так что запись христианская в этом отношении почти не разнится от официальной записи в *acta proconsularia*, подходит на торопливо снятую копию с последних.

Одно внешнее обстоятельство не позволяет признать такое объяснение состоятельным. И по латинской рецензии и по греческой, проконсул Сатурнин прямо обращается к подсудимым христианам с такими словами⁴), из которых видно, что дознание здесь продолжается, а не начинается. Мы не узнаем из актов ни того, по какому поводу христиане привлечены на суд, ни того, почему вместо 12 обвиняемых на суде оказывается только шестеро, и против остальных шести «неявившихся», τοὺς ἀφάντους, приговор постановлен *in absentia*. Был ли у всех этих христиан обвинитель – *delator*? Или сам проконсул по своей инициативе приступил к *coercitio*? Где они взяты были под арест: в молитвенном доме или во время путешествия? На все эти вопросы нет ответа очевидно потому, что мученики были уже допрошены на каком-то заседании ранее 17 июля, и теперь

---

³ Χαίρετε, τῶν ἐμῶν λόγων ἐρασταί, - καὶ γραφίδες φανεαὶ καὶ λαυθαύουσαί, говорит Григорий Богослов в прощальном слове (*oratio 42, ol. 32, n. 26. p. 767. Migne, Patrol. S. Gr, t. 36, 492*) к константинопольской пастве. Вообще можно допустить, что древние тахиграфы уступали современным стенографам в точности записи. Тем менее совершенна тахиграмма, вышедшая из-под γραφίδες λαυθαύουσαί. А если подобных записей было несколько, небольшие варианты получались неизбежно в самом первоисточнике христианских *acta martyrum*.

⁴ Potestis indulgentiam domni nostri imperatoris promereri, si ad bonam mentem redeatis.

являются пред лицом проконсула уже как виновные (с точки зрения римского закона) и признавшие себя виновными. Во всех разновидностях латинских актов, как ни сильно пострадал первоначальный текст их от необузданного произвола разных «краснореквов» – амплификаторов, – нет ни малейшего следа от этого предшествующего заседания и, к счастью, не сделано попытки – присочинить недостающее начало процесса.

Очевидно, следовательно, *acta proconsularia* остались христианам недоступны. Иначе нельзя объяснить, без предположений мало правдоподобных ⁵⁾, почему христиане сделали выписку не с начала процесса, а лишь со середины. Напротив можно без всяких натяжек допустить, что дело приведенных в Карфаген нумидийцев началось слушанием так неожиданно, что карфагенские христиане лишь потом узнали, что эти нумидийцы подвизаются за имя Христово: поэтому никто из христиан более или менее образованных не был на первом заседании, кроме, конечно, самих подсудимых. А так как весь «agon», все «свидетельство за имя Христово», содержались сполна в актах второго и последнего заседания; то начало процесса с христианской точки зрения и не представляло особенной ценности: из наличных Acta Martyrum Scilitanorum христианин знал все, что было важно знать для его собственного назидания и для церковного прославления свв. мучеников. Поэтому, к ущербу для истории, не занесены в акты и те сведения о начале процесса, какие могли бы собрать на месте христиане современники.

Итак в основе всех существующих рецензий Acta Martyrum Scilitanorum лежат «воспоминания» христиан-очевидцев, вернее – по моему мнению – несколько набросков нотами, сделанных тайком христианами во время самого суда над мучениками в секретарии 17 июля 180 г. Этих записей было немного: может быть три. Одна из них была под руками у составителя актов того типа, который представлен в греческой рецензии; вторая – можно сказать без перемен, в первоначальной чистоте – издана Робинсоном и с некоторыми отмеченными на поле разночтениями из третьей записи лежит в основе всех позднейших переделок латинского текста актов ⁶⁾.

---

⁵⁾ Напр. *acta proconsularia* этого заседания были затеряны и их не оказалось и в архиве; христиане потом утратили доставленную им выписку; лицо, имевшее доступ в архив и нанятое „*praemio*“, не поняло, что именно христианам нужно; или же оно нашло, что ему заплатили не достаточно щедро, чтобы сверх заседания 17 июля стоило делать еще выписку и из предшествующих протоколов.

⁶⁾ Вторая запись сохранилась, по моему представлению, в А критического аппарата Робинсона, остатки третьей – в ВС. И древнейшая рецензия латинская мне рисуется в таком виде:

<i>Текст:</i>	<i>Поле:</i>
---------------	--------------

III.

Scili или Scilli? – Значение этого имени

Только в греческой рецензии – и ни в одной из латинских – читаются следующие строки: «ἦσαν οὖν ὁρμώμενοι οἱ ἅγιοι ἀπὸ Ἰσχλῆ τῆς Νουμηδίας, κατὰκείνται δὲ πλησίον Καρθαγέννης μητροπόλεως».

Saturninus proconsul dixit: Nolite ^e huius dementiae esse participes. Saturninus proconsul dixit: Numquid ad deliberandum spatium uultis?	^e furoris huius et
Speratus dixit: In re tam ^f iusta nulla est consultatio.	^f bona non est deliberatio
Speratus iterum dixit: Christianus sum ^g) et eum eo omnes consenserunt.	^g) + indesinenter

Варианты *e* и *f* – из BC; consultatio испорчено в A в commutatio. Позднейшие отголоски: *acta apud Baronium*: „furoris huius insipientiae“; *ms. Colbert.*: „furoris huius dementiae“; *ms. Silos*: „huius dementiae“. Ср. пр. 1. *Acta Bar.* за чтение „iusta – nulla“, *mss. Colb. Silos.* – за чтение „bona – deliberatio“. – Вариант *g* – из C: „et indesinenter Dominum Deum meum colo et adoro“ и т. д. Контролем служит греческая рецензия. Μὴ βουλευθῆτε τῆς τοσαύτης μανίας καὶ παραφροσύνης κτλ. Это – чтение маргинальное. (И в другом месте ὁμόσατε = „iurate“ BC против „iura“ A). „Μὴ ἄρα πρὸς διάσκεψιν ἀναμονῆς χρῆζετε“ – „ἐν πράγματι οὕτως ἐγκρίτω οὐδεμία καθίσταται βουλή ἢ διάσκεψις“. Очевидно тахиграфы не уверены, сказал ли мученик „iusta“ или „bona“, „consultatio“ или „deliberatio“. В записи у составителя актов (в первой тахиграмме) стояло видимо не „iusta“ и не „bona“, а другое прилагательное („certa“?), и поставлены были рядом оба существительных. – Последний ответ Сперата: „Χριστιανός ἀμετάθετος τυγχάνω; в первой тахиграмме видимо было если не „indesinenter“, то аналогичное ему слово. – Выражению греческого текста: „ἀλλ’ εἴ τι καὶ πρᾶσσω, τὸ τέλος ἀποτίνυμι“ в ABC = во второй и третьей тахиграмме соответствует: „sed si quid emero, teloneum reddo“. Обэ конечно совершенно прав, когда с возможною буквальностью переводит греческий текст словами: „sed si quid negoti ago“. Неизлишне отметить, что в *ms. Silos* читается: „si quid autem in publicum emero“, а в *ms. Colbert.*: „s. q. a. i. p. egero“. Не сказал ли мученик: „sed si quid negoti egero“? (И другой вопрос: не потому ли Сперат говорит о таком специальном пункте честного исполнения гражданских обязанностей, как уплата торговой пошлины, что сам был *негоциант*?). Слова ABC: „Hodie martyres in caelis sumus. Deo gratias“ в греческом переданы: „Σήμερον ἀληθῶς μάρτυρες ἐν οὐρανοῖς τυγχάνομεν εὐάρεστοι τῷ Θεῷ“. Очевидно в первой тахиграмме стояло: „Deo grati“. – Все отмеченные различия трех тахиграмм столь же легко объясняются и при другом предположении: тахиграфическая запись была только одна (*текст=A*); ее перечитал потом один из христиан, бывших в секретарии, и отметил *на поле* (=BC) варианты там, где – по его мнению – тахиграмма передавала слова не с буквальною точностью. Этот сводный текст поступил в руки составителя греческой рецензии, и он, тоже свидетель-очевидец, отступал от латинской записи там, где она передавала слова приблизительно точно, а он помнил их буквально.

Для исторической географии это место дает немного: ученые не в состоянии определить, где лежала родина свв. мучеников ⁷). Но зато оно решает вопрос об *орфографии* этого географического имени.

В 411 г. принимал участие в трудах карфагенской конференции православный «episcopus ecclesiae Scillitanae», Squillacius. Присутствовал на конференции и его совместник, донатист Donatus episcopus Scilitanus. – 8 октября 649 г. на латеранском соборе в было прочитано послание «concilii proconsularis» к Павлу константинопольскому; 34-м подписался под ним «Pariator, gratia Dei episcopus sanctae ecclesiae Scilitanae» ⁸). – В *Kalendarium Carthaginense* (V – VI вв.)

---

⁷ К. J. Neumann, *Der römische Staat und die allgemeine Kirche bis auf Diokletian* (Leipzig 1890, 71 – A. Schwarze, *Untersuchungen über die äussere Entwicklung der afrikanischen Kirche* (Göttingen 1892), 104. Нейманн сделал из греческих актов тот бесспорный вывод, что этот городок лежал в Numidia proconsularis. Во всяком случае „τῆς Νομηδίας“ имеет научную ценность: до сих пор нельзя было утверждать наверное даже этого. Нет нужды прибавлять, что Scili не упоминается ни в *Itinerarium Antonini*, ни в *Tabula Peutingeriana*. Следовательно Scili не было ни civitas ни просто mansio на одной из главных африканских дорог, хотя из этого еще не следует, что оно не стояло на одной из них. – Ср. прим. 14а.

⁸ *Mansi*, *Sacrorum Conciliorum Amplissima Collectio*, IV, 125C. 80D. 53A. 155B; X, 930C. 940D. *Baluze* (*Mansi*, IV, 125, n. 7) „Scilli“ полагает в Numidia, ссылаясь на *Notitia provinciarum et civitatum Africae* (в приложении к *Victoris Vitensis historia persecutionis, recensuit C. Halm* [в *Monumenta Germaniae Historica, Berolini 1879*], pp. 63 – 71). Видимо Валюз имеет в виду n. 54 в *Nomina prouintiae Numidiae*: „Maximus sillitanus prbt“. Еще *Du Pin* (в 1700 г.) заметил ошибочность этого основания и указал [*Migne*, *S. Lat.*, t. 11, 1318, n. 272), что на той же конференции 411 г. присутствует и православный „Faustinus episcopus plebis Sillitanae“ (*Mansi*, IV, 103B). Однако даже *Гельцер* (*Georgii Cyprii descriptio orbis Romani, ed H. Gelzer, Lipsiae 1890*, pp. 106 – 107) пишет: „Maximus Sillitanus – quin Scillitanus scribendus sit, dubium non est“. Не подозревая, что Сквиллакий и Донат были епископы *двух* вероисповеданий, он думает, что лишь один из них был епископ Ἰσκλῆ = Σκῆλη [= Σκίλι] = Scili в Numidia, „alter, sicut Pariator, ad Scilium Provinciae Proconsularis pertinet“. Таким образом, по мнению Гельцера, существовали два городка, от которых можно было образовать прилагательное Scilitanus: α) Scilium в проконсульской провинции и β) Scili в Нумидии; Scilium засвидетельствовано подписью епископа Париятора в 646 г., Scili упоминается aa) в *Notitia* 484 г. и bb) у Георгия кипрского. Но в действительности *Notitia* упоминает только о Silli или Sillium в Нумидии; поправлять Sillitanus в двух независимых друг от друга источниках на Scillitanus значит допускать совсем не научный произвол. Σκῆλη у Георгия читается en toutes lettres; но положиться на авторитет надписи „ἐπαρχία Νομηδίας“ и поверить, что это Σκῆλη (тождество его с Ἰσκλῆ = Scili актов едва ли ктонибудь решится оспаривать) лежало в Нумидии, можно только по недоразумению. Сам Гельцер тоже слишком успокоительно смотрит на эти страницы Георгия кипрского. Несомненно, они жестоко пострадали от времени. Сам Георгий конечно писал Ἐπαρχία Βυζακίας, Ἀδραμύττων, Ἐπαρχία Νομηδίας Κωνσταντίνη. Теперь же в византийской епархии на первом месте стоит Σούβιβρα – Sufibus, а μητρόπολις Ἀδράμυτος Ἰουστινιανῆ (Procop., aedif. 6,6) – на 13-м и предпоследнем, в Нумидии первенствует Καλάμα, а Cirta Constantina стоит тоже на 13-м и последнем месте. Притом из всех городов проконсульской провинции назван только Καρταγέννα. Это очевидно дает повод думать, что пропущенные города этой провинции не исчезли из списков Георгия бесследно, но – по меньшей мере – часть их перемешана с городами византийскими или же нумидийскими. И в самом деле 12-й из нумидийских, Βάγης, бесспорно тождествен с πόλις ἐν χώρῳ

под (17) июля значится память «sanctorum Scilitanorum»⁹⁾, в martyrologium ex codice Bernensi (VIII – IX в.) «et Silicitanorum» [так]¹⁰⁾. Виктор витский¹¹⁾ упоминает о карфагенской базилике «Celerinae vel Scillitanorum». Критический аппарат указанного места представлен только рукописями BLVR. Самая авторитетная рукопись, А, IX в., не имеет начальных листов. В – IX в., L – XII, VR – X в. «Scillitanorum» читается очевидно лишь в BR. Варианты: scilitanorum L, sicilitanorum V. – Наконец у Георгия кипрского, писателя конца VI в., читается Σκήλη, что не разнится от Σκίλι. – Подведем итог. Из приведенных 7 инстанций

Προκοπσουλαρία Βαγὰ ὄνομα Procop. aedif. 6, 5, 339 *Bonn.* = Vaga, ныне Bédja, 36° 47' с. ш., 9° 9' в. д. от Гринвича; а Vaga никогда к Нумидии не причислялась. Равным образом и загадочное Ληράδουc на 7-м месте между городами нумидийским вероятно образовалось из Λαρήβουc = Λαρίβουc (ср. Procop. de bello Vand. 2, 22. 28, pp. 508. 533 *Bonn.*) = Laribus, ныне Lorbous, 36° 1' с. ш., 8° 53' в. д. *Гринв.* Поэтому и Σκήλη на 9-м месте можно считать не нумидийским городом, а тем городом проконсульской провинции, в котором в 646 г. епископом был Париатор, а в 411 г. Сквиллакий (Форма имени „Scilium“ не основана ни на чем; равно невозможно представить положительного доказательства, что Сквиллакий был нумидийский епископ). Таким образом до 1881 г. ученые лишь по недоразумению могли говорить о Scili как городе нумидийском, а после 1881 г. они тоже по недоразумению насчитывают два Scili вместо одного. По моему крайнему разумению, нет достаточных оснований сомневаться в том, что границы Numidiae proconsularis (в I – III вв. по р. Хр.) *Кунерт* на карте при Römische Geschichte von Th. Mommsen, Bd. V, Berlin 1886, намечены достаточно точно: начинаясь у берега Средиземного моря под 36° 55' с. ш. и 7° 0' в. д. *Гринв.*, эта граница постепенно спускалась к ю.в. до 35° 45' с. ш. и 8° 15' в. д., затем шла, слегка поднимаясь к северу, на восток и под 35° 50' с. ш. и 9° 5' в. д. описав дугу, поворачивала на север и с легким уклоном к западу доходила до моря под 37° 0' с. ш. и 8° 50' в. д. (Правда, *Шварце*, опираясь на Ephemeris Epigr. VII, п. 49, высказывает предположение, что быть может и Sufetula, ныне Sbitla, 35° 14' с. ш., 9° 8' в. д., когда-то входила в состав Numidiae proconsularis; но это мнение мотивировано слишком слабо). Африканские соборы в конце IV – начале V в. показывают, что епископы западной половины Numidiae proconsularis (Calama, ныне Guelma, 36° 28' с. ш., 7° 26' в. д., Hippo Regius, 36° 51' с. ш., 7° 46' в. д., Thagaste 36° 18' с. ш., 7° 55' в. д., Thagoга, ныне Таоуга, 36° 10' с. ш., 8° 2' в. д., даже Bulla Regia 36° 34' с. ш., 8° 42' в. д.) смотрят на себя как на Numidae и своим начальником признают не епископа карфагенского, а „старца“ (senex) нумидийского, т. е. старейшего по хиротонии епископа Нумидии, бывшего по этому primas-ом провинции. То есть Numidia proconsularis в IV – V в. сливается частью с собственно Нумидией, частью же с проконсульской провинцией. Эта новая граница между провинциями видимо от времени до времени изменялась; в 646 г. на concilium proconsulare присутствуют и епископы Benenatus Semitensis (colonia Simitthu, ныне Schemtou, 36° 32' с. ш., 8° 38' в. д., в семи m. pass. к западу от Bulla Regia) и Benenatus Naraggaritanus (Naraggara 36° 16' с. ш., 8° 20' в. д., на самой границе между Тунисом и Алжиром). Из всего этого следует, что одно и то же местечко Ἰσχλή Scili во II в. полагали в Нумидии, а в VII в. - в проконсульской провинции. Оно очевидно лежит на территории нынешнего Туниса, где нибудь около 9° 0' в. д. от Гринвича, не далеко (на запад) от древней границы между Numidia proconsularis и provincia (Africa) proconsularis, проходившей между Bulla Regia и Vaga.

⁹⁾ У Мабильона и в перепечатке у E. Egli, Altchristliche Studien: Martyrien u. Martyrologien ältester Zeit (Zürich 1887), 109.

¹⁰⁾ Acta Sanctorum, Octobr., t. XII, p. xix.

¹¹⁾ I, c. 3, n. 9, p. 3, 30 ed. *Halm.*

одну (Виктор витский) или и две («et Silicitanorum») следует считать нерешительными. Остаются одна Scilli против четырех Scili.

Такой же результат дают и рукописи древнейшей латинской рецензии А (IX в.) В (XI в.) С (XIII в.). В С Scillitanorum, в В Scyllitanorum. Чтение А Scilitanorum Робинсон основательно принимает в текст. Рукопись А не только древнейшая из трех, но и единственная орфографически исправная, с последовательным Narzalus = Νάρτζαλος; и Vestia. Кто может положиться на авторитет В с его последовательными «Saturninus» вм. Saturninus и «Bistea» и переменными «Nazari Naharo Nartadus», или на чтение С с его «Bestia Narcallo Nartallus?» – Наконец, фальшивых аналогий в пользу «ll» в латинском языке достаточно много: ille, mille, всевозможные samilli samillaeque, наконец пресловутая мифологическая Scylla ^{11a}). Естественно для рассеянного писца иностранному Scili придать более латинскую физиономию и писать «Scilli». Так утвердилась какография «Scillitanorum».

Узенер не оценил всей авторитетности чтения «ἀπὸ Ἰσκλή», что подле «Νουμηδίας» очевидно не различается от Ἰσκλί, и склонен видеть в этом лишь испорченное Σκίλι = Scili. Обэ и Робинсон выяснили, что в Cod. Paris. читается на деле Ἰσχλή = Ἰσχλί. Это чтение устанавливает бесповоротно, что Scili есть только латинизация истинного пунийского названия городка, относится к Ἰσχλή так же, как «Рим» к «Roma», как «Париж» к «Paris», как «Moskau» к «Москва». Семитские языки и в числе их финикийский-пунийский представляют ту особенность, что слово, начинающееся двумя согласными, для них произносимо; поэтому никак не «Scili», но или «Sicili» (если не «Sicli») или «Iscli». Так у арабов «мир» называется «salâm(un)»; но «slâm(un)» невозможно; поэтому «'islâm(un)», высокий духовный мир человека, вполне предавшегося в волю Божию, «ислам». Очевидно это семитская аналогия явлению, всем известному по языкам романским, которые spiritus превращают в espíritu, esprit, Stephanus в Estévan, Étienne. Такие имена личные, как Miggin, Stiddin, Birictbal, Вуγυϑθ = Βουγυϑθ [=«Благословенная», Benedicta], и имена географические, как Bidil, Igilgili. Intibili, Sitifi, Tibilis, Tigisis, Timici, и знаменитые сцены в «Poenuus», где Hanno roenus loquitur punice, не оставляют никакого сомнения в том, что звук «i» преобладал в пунийской фонетике, по этому признаку архаической: в еврейском языке, как преподают его европейские гебраисты, с его модернизированной фонетикой, многие пунийские «i» превратились бы в «e» ¹²). С

---

^{11a} Подле нормальных Aquilius, Avilius, Aurelius, Petilius, Turpilius, засвидетельствованы эпиграфически (*G. Wilmans*, *Exempla Inscriptionum Latinarum*, Berolini 1873, Index I, 1) и формы Aquillius, Avillius, Aurellius, Petillius, Turpillius.

¹² Ср. *P. Schröder*, *Die Phönizische Sprache*, Halle 1869. – *M. A. Levy*, *Phönizische Studien*, Breslau 1864. – *P. de Lagarde*, *Uebersicht, über die im Aramäischen, Arabischen u. Hebräischen übliche*

другой стороны, обилие «у» в «Roenuus» и такое выразительное равенство, как *mythymbal=Muthumbal*, показывают, что в пунийском «I» была сильная примесь «U»; оно звучало глухо в роде русского «ы». Ἰσχλή в пунийском выговоре представляло что-то среднее между *исхылі* и *ыскълы*. Всякий видит, что Ἰσχλλή было бы монстром. Опираясь на полновесный авторитет *де-Лагарда*¹³), можно сказать, что *tertia radicalis* семитского слова, в данном случае λ, и не должна быть удвояема; и если бы здесь замешалась звуковая порча, то ударение переместилось бы, получилось бы ἰσχίλλη. Между тем пуниец 180 г. произносит это слово с таким полувзвук после χ, что в греческом алфавите не оказывается ничего ему соответствующего. Это пустое место в роде *апострофа* принять на себя ударения очевидно не может: ἰσχ'λλη – чистый *nonsens*. – Латинянин, с его здоровым произношением (*scala scutum*), ненуждавшимся в фонетических подпорках (*escalier escu*), и с его ухом, тупым на оттенки придыхания в звуке *k*, это *исхылі-ыскълы* слышит как *scilí*. – Относительно смысла этого географического имени, кажется, сомнений быть не может: пунийское слово достаточно разъясняется тремя буквами его корня σχλ SKL. В транскрипции перевода LXX ἑσχώλ соответствует еврейскому 'eskôl, которое равно арабскому 'θkâl(un), эфиопскому askâl. Во всех этих языках это слово значит *виноградная кисть, гроздь*, βότρυς. *Нахаль-эсхоль, дэбрь гроздная, дэбрь грезновная*, называлась долина, поразившая евреев плодоношением ее виноградников¹⁴). Ἰσχλή Scilí славянин назвал бы

Bildung der Nomina (Göttingen 1889), 75 – 78 [segol, т. е. гласная *e* в еврейском, = древнему *i*]. Евр. группа букв AT, = финикийской AIT, по еврейски ныне произносится *et*, по пунийски звучало „uth“ (у Плавта). *Сын* по евр. „BeN“ (Βενιαμίν), по пунийски „byn“ (Anno byn Mythymbal=Hannonem sese ait – Muthumbalis filium). Финикийский MLQRT „Мелькарт“ значит „*царь города*“ (евр. MeLeK-QaRT); в имени Ἀμίλκας Hamilcar звук „e“ уступил место „i“. Не раз встречающееся в Roenuus „silli“ по евр. было бы „äser-li“=„*что-ко-мне*“. – До сих пор ученые (*W. Wright*, Lectures on the comparative grammar of the Semitic languages, Cambridge 1890, p. 86) полагали, что пунийцы многочисленных „rus“ в их географических именах (Ruspe, Rusadder, Rusibi, Ruspina) [= араб. „râs(un)“, *голова, le cap, мыс*] произносили „*руи*“, и своих „судей“ (sufetes) звали „*суфэм*“, – на том основании, что соответствующие еврейские слова в европейской науке принято произносить *рои, шофэм*. Де Лагард (Mittheilungen, IV, 378 [Göttingen 1891, из Nachrichten von d. k. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen, 1891, Stück 5, vom 6. Juni] статья „Samech“) показал, что обычай произносить букву *шин* как *ш* и букву *син* как *с* есть только сирская традиция, от которой зависимы европейские гебраисты. Он высказал мысль, что в древности произношение было совсем другое: то, что теперь принимают за *шин*, произносили как *с*, и нынешнее *син* – как *ш*. Из этого прямо следует, что и пунийские *rus sufet* звучали как *рус, суфэм*. Поэтому в дальнейшем я *шин* транскрибирую чрез *s*.

¹³ *P. de Lagarde*, Uebersicht, 11. 203. 54. 80. 152.

¹⁴ Твердо установленное χ в Ἰσχλή важно тм, что показывает, что в пунийском стоит не ρôph, а *karh*. Выгия, 14, 13. 24. Числ, 13, 24. 25: καὶ τὸν τόπον ἐκεῖνον ἐπωνόμασαν Φάραγξ βότρυος (= *nâhal 'eskôl*) διὰ τὸν βότρυον (= 'eskôl) ὃν ἔκοψαν ἐκεῖθεν οἱ υἱοὶ Ἰσραηλ. О массивности этой виноградной кисти говорит уже то, что „*понесли ее на шесте двое*“. Второзак. 1, 24.

Грезново, Гроздовка. Отсюда очевидный географический постулат: не искать местоположения Исхли Scili там, где виноградник развести невозможно ^{14a}).

IV.

Язык актов. – На каком языке совершалось богослужение в Карфагене?

Узенер не думает, чтобы греческая рецензия появилась в самом Карфагене. Первоначально, по его мнению, карфагенские христиане изложили эти акты на латинском языке. Если эта точка зрения верна, если этот латинский текст существовал и между первозаписью и переводом прошли годы, десятилетия, может быть даже столетия; то получаются два довольно неожиданные вывода.

а) Грек не африканского происхождения, следовательно с тонкостями местного произношения незнакомый, написал в своем переводе Ἰσχλή или Ἰσχλί очевидно только потому, что в латинском оригинале стояло ISCHLI. Все в Карфагене называли св. мучеников исхлиских «Sancti Scilitani», их родное селеше – Scili. Не Schilitani и не Schili. И однако переписчики добросовестно копировали это Ischli, даже h не выбросили. Здесь чувствуется забота о тщательном сохранении этого древнего церковного памятника латинской письменности.

б) Этот памятник, однако, никого на западе не интересует. Им не пользуется никто. На разновидностях латинских рецензий, которые все стоят в зависимости от текста Praesente bis, не отразилась ни одна особенность рецензии Ἐπι Πέροσαντος ¹⁵), как ни естественно было бы такое заимствование.

---

^{14a} В provincia Byzacena в 36 m. pass, от Sufetula и в 68 от Hadrumotum (Itin. Antonini, 53 Wessel.) лежал городок Masciliana. Под одним документом (авг. 397 г.), значится подпись: „Victorians episcopus plebis Mascilianensis“ (Mansi, III, 926AB). Это „Mascli“ – „Mascili“ – видимо одного корня с Ἰσχλή Scili [Читатель, совсем незнакомый с семитскими языками, благоволит лишь заметить, что слово мечеть, Moschee mosguée, есть испорченное арабское masjid(un), масджид (мэсджэд) попроизношению в Сирии, масгид – в Египте, от глагола sgd=sagada, il s'inclina jusqu'a terre, il se prosterna devant, προσεκύνησε. И в ma-sgid и в ma-scli – ma есть префикс. Masjid(un)=место, где кладут земные поклоны, Mascli=место, где растут виноградные лозы]. С другой стороны, в Tabula Peutingeriana на пути из Bulla Regia в Thuburbo Minus в 24 mil. Pass. к востоку от Bulla Regia отмечено: „Armasclaf[uivius]“. Кажется, Ar-mascla по смыслу аналогично евр. nahal – 'eskól, и может быть недалеко от этой реки лежало и Scili Ἰσχλή.

¹⁵ Могли бы отразиться след. разности (строки по pp. 113 – 117 Robinson): 113, 10+ Θεῶ 17+ ἀληθοῦς 24+ αἰσθητοῖς 25 πράσσω=negoti ago 115,2 ἀποδειχθείσης 3 ἐπισφαλῆς (повидимому не mala, а какое-то другое прилагательное) 7 γενέσθαι ἢ δειχθῆναι (что, кажется, предполагает фразу с videri) 10 κατοικοῦντα (из Псалм. 122,1; 2, 4? вм. est) 19 εἶπαν (вм. consenserunt). – Амплификаторы любят красивые выражения (120,19 uidens etiam ipsorum mentis stabilitatem et fidei firmitatem 121,1 hoc semper meditabitur cor meum et labia mea pronuntiabunt 121, 29 quales nos hodie cernis tales post hanc induciam futuros esse non dubites); однако ни один не

Лучший выход из этого предложен, по моему мнению, Обэ. Греческая рецензия – не перевод, а самый подлинник¹⁶). Автор актов писал их прямо по-гречески, хотя конечно у него была под руками черновая тахиграфическая запись процесса на латинском языке, потому что самый процесс происходил на латинском языке. В большей части своего труда автор был конечно только переводчиком. Видимо природный латинянин, владевший греческим языком далеко не свободно, он или переводит всякое латинское выражение буквально¹⁷),

---

воспользовался местом 117, 7 – 9 (см. прим. 2). В *acta Baron. 120, 27* кончина мучеников описана так: *et flexis genibus unaninuter* [этой черты нет ни в греческой, ни в древнейшей латинской рецензии, ни в *mss. Silos. Colbert*], *cum iterum gratias Christo agerent* [греческая рецензия содержит самый текст благодарения в 25 слов, но слова *Χριστός* там нет], *truncata sunt singulorum capita*.

¹⁶ Aubé, 6. 12. 13. 20. По мнению Обэ, греческие акты написаны между 180 и 200 гг. Но он допускает, что даже самый процесс происходил на греческом языке в виду того, что подсудимые африканцы по-гречески хотя немного понимали, а латинским языком не владели вовсе. Это мне представляется решительно невероятным, и та „subtilité“, которую Обэ предвидит, но отклоняет (вопросы и ответы – перевод с латинского, все остальное в греческом тексте – оригинал), единственно возможною.

¹⁷ Образцы: *persuasio*=πιθανότης *tranquillas*=γαληνιώσας и особенно διαμεῖναι πορεύομαι, если в самом деле Секунда сказала: „*perscueratum eo*“ (вм. „*ipsud uolo esse*“ древнейшей рецензии, чтение которой, отразившееся и в позднейших разновидностях, располагает Обэ. р. 18, думать, что наличное греческое чтение обязано своим происхождением лишь писцу *Cod. Paris*, который копировал с рукописи, в которой стояло только ..ομαι, и прочитал это *ex conjectura* как πορεύομαι (вм. βούλομαι), равным образом *male asserit*= κακῶς δεχθέντες. Это последнее чтение предполагает недостаток грамматического чутья к греческому выражению, а никак не слабое понимание латинского языка. Сочетание противоположностей покоя и движения в διαμεῖναι πορεύομαι показывает такой же недочет в лексическом чутье. То и другое понятно в том случае, когда переводит не грек с чужого на родной язык, а латинянин с родного на чужой язык – Иногда же переводчик прибегает к выражениям описательным. „*Quae sunt res in capsula uestra?*“ = Ὅποια [переводчик-грек вероятно написал бы ποῖα] πραγματεῖαι τοῖς ὑμετέροις ἀπόκεινται σκεύεσιν; Полупрезрительное „*res*“ проконсула достаточно определяется чрез последующее „*capsa*“. Автор греческой рецензии, если только он не имел особых побуждений отступить от латинского текста, – вероятно не знал, как называется по-гречески „*capsa*“, и вынужден был заменить ее общим выражением σκεύεσιν. Но от этого определяющий „*res*“ намек был потерян. Этот пробел удачно восполнен тем, что вместо πραγματα поставлено πραγματεῖαι. Латинскому „*ex tabella recitavit*“ соответствует ἐξεφώνησεν. *Ex tabella* опущено или потому, что для современника разумелось само собою, что проконсул прочитал приговор уже написанный, или же потому, что латинянин не знал, как перевести по-гречески „*tabella*“. Латинское „*genius*“ истолковано чрез „ἡ συμπεφυκυῖα εὐδαμονία“. Автор актов или не знает, что у греков „*genius*“ условно заменяется словом „τύχη“, или протестует против этой замены, как неточной. Робинсон, р.110, обращает внимание на выражение „*iniquitati nullam operam praebuimus*“, опущенное в греческой рецензии. „*But any one who attempts to find a rendering for it will pardon the Greek translator, if he used the licence of a paraphrast and purposely omitted it*“. Какой именно точный смысл опущенной фразы и почему именно перевести ее так трудно, Робинсон не объясняет. По моему мнению, Обэ прав, р. 13, когда предполагает, что африканские мученики были люди „во всяком случае среднего сословия, пунийской или либийской крови“. И Сперат, не смотря на его латинское имя, быть может мыслит по-

не заботясь о том, насколько изящным такое сочетание греческих слов покажется греческому читателю, или же прибегает к описаниям, если запас греческих слов у него приходит к концу, особенно при встрече с техническими латинскими словами, которые в обыденном разговоре не часто повторяются. Но эту переводную часть автор поместил в соответственную, не без порывов к витийству написанную оправу, которая и составляет его полное литературное достоинство. В этом законченном виде *Acta Martyrum Scilitanorum graece* в латинском переводе никогда не существовали.

Но зачем автор актов дал себе такой странный на первый взгляд труд – писать на иностранном греческом языке, а не на своем родном латинском? И на этот вопрос ответ намечен Обэ¹⁸): богослужебный язык карфагенской церкви был в это время греческий, а не латинский.

Что в первые два века церковный язык римских христиан был не латинский, а греческий, это исследованиями Каспари поставлено так твердо, что считается общепринятой научной истиной¹⁹). Но сам же Каспари полагает, что такой

пунийски, хотя слова употреблял латинские. Как на аналогичное пояснение, можно указать на следующее. Эфиопский глагол ἄμματα в библии употребляется для передачи греческих ἀδικεῖν, ἀνομεῖν, φαυλίξειν, συκοφαντεῖν, ἀσεβεῖν. Производное от этого глагола имя заменяет ἀδικος, ἀνομος, παράνομος, δόλιος, ἀσεβής. Но этот же глагол (в 4 Царств, 9, 14) значит: *составил заговор, coniuravit*. Абиссинская летопись (октябрь 1696 г.) употребляет выражения: *совет, беззакония (аммаца), слово беззакония*, в смысле: *заговор, des projets de révolte*. Этот же глагол в гондарском наречии амхарского (аммата) означает: *fut inique, injuste, méchant, désobéissant, rebelle; agit injustement, se mit en rebellion*. A. Dillmann, *Lexicon linguae aethiopicae* (Lipsiae 1865), 958. – R. Basset, *Études sur l'histoire d'Éthiopie* (Paris 1882), 47.156. – *Antoine d'Abbadie*, *Dictionnaire de la langue amarinnna* (Paris 1881), 475. Если автор актов, как современник, понимал, что слово „iniquitas“ в устах Сперата имело тяжеловесный специфический смысл эфиопского „аммаца“, то неудивительно, если он затруднился перевести его на греческий язык: слово ἀσεβεία с его специальным политическим значением или не пришло латинянину-переводчику на мысль или, может быть, показалось ему даже слишком мягким.

¹⁸ Aubé, 13. „Dans l'Église d'Afrique, prolongement probable de l'Église de Rome, au premier et au second siècle, la langue usuelle est plutôt le grec que le latin. N'était ce pas en cette langue qu'on lisait les Écritures, les Évangiles, les lettres de saint Paul? – Ne savons-nous pas que Perpétue parlait le grec couramment? Tertullien, qui créa – le latin ecclésiastique, écrivait en grec comme dans sa langue maternelle“. Мысль о церковном употреблении греческого языка до известной степени затерялась в доказательствах, что греческий язык был довольно распространенный в Африке. Но все же нельзя не признать странным, что на эту новую в науке мысль Обэ не обратили внимания ни Робинсон, 109 – 111, ни Овербек (*A. Harnack's u. E. Schürer's Theologische Literaturzeitung*, 1882, Sp. 175, где Franz Overbeck, одна из первостепенных величин в немецкой церковноисторической науке, поместил рецензию на Étude Обэ!) Последний допустил только, что возможности, что греческий текст актов – оригинальный, отвергать а priori отнюдь нельзя, и обратил внимание на сношения монтанистически настроенных африканских христиан с их восточными единомышленниками, как на „самый естественный мотив“ для записи актов по-гречески.

¹⁹ C. P. Caspari, *Ungedruckte unbeachtete und wenig beachtete Quellen zur Geschichte des Taufsymbols und der Glaubensregel*, III, Christiania 1875. Экскурс: *Griechen und Griechisch in der römischen Gemeinde in den drei ersten Jahrhunderten ihres Bestehens* (SS. 267-466) сочувственно приветствует A. Harnack (*Theol. Litzg* 1876, 13). E. Schürer, *Die ältesten Christengemeinden im*

своеобразный порядок, – греческий язык в церкви и латинский в обыденных сношениях, – существовал у христиан только в Риме. «В церквях африканских, не исключая даже и Карфагена, где конечно многие образованные люди и понимали и говорили по-гречески, богослужение совершалось без всякого сомнения исключительно на латинском языке»²⁰).

Кажется, под этим смелым заверением основания заложены не особенно прочные, и усомниться в его состоятельности есть повод.

Пострадавшие 7 марта 203 г. в Карфагене мученики Сатур и Вибия Перпетуя пред своею кончиною видели видения, которые сами же и записали²¹). «Et vidi, пишет Перпетуя, – hominem sanum in habitu pastoris – et dixit mihi: Bene uenisti, tegnon». Сатур видит и себя и других мучеников уже пострадавшими и вознесенными в рай. «Et uidimus – Optatum [первого исторически известного карфагенского] episcopum ad dexteram et Aspasium presbyterum doctorem [может быть грека родом, судя по его имени] ad sinistram – et diximus illis: Non tu es papa noster et tu presbyter? – et complexi illos sumus. et coepit Perpetua graece cum illis loqui. – et audiuimus uocem unitam dicentem: Agios, agios, agios: sine cessatione». – Что Перпетуя, образованная матрона, владеет греческим языком, это видно из десятка греческих слов, которые встречаются в ее рассказе: но и пишет и говорит с другими она по-латыни. Положение христианской героини слишком серьезно, чтобы можно удовлетвориться простою ее привычкою к греческому языку, легкомысленною, предосудительною в глазах римлян²²), для объяснения того факта, что апокалиптический пастырь, по словам ее, приветствует ее греческим τέκνον. И не она сама, а Сатур, как кажется, сам греческим языком свободно не владевший, слышит ее разговор по-гречески с папою Оптатом и пресвитером-учителем Аспасием. В представлении Сатура его сомученица – идеальная героиня: если она «начала говорить с ними по-гречески», то очевидно в таком месте, как рай, с такими лицами, как епископ и пресвитер, и следует говорить по-гречески. Христианин естественно представляет рай под образом церкви. Следовательно, в 203 г. «папы»-епископы и пресвитеры-учители приветствовали

---

römischen Reiche (Kiel 1894), 10: „язык христианской общины в Риме до конца II в. по р. Хр. был греческий“. – *T. Mommsen, Römische Geschichte* (Berlin 1886), V, 547.

²⁰ *Caspari*, 458: So kann er [Tertullianus, de spectac. 25] in den Worten „εις αἰῶνας ἀπ' αἰῶνος“ [которые церковь произносила во славу Христа, а цирк – в честь гладиатора] weder die africanischen Gemeinden, in denen der Gottesdienst ohne allen Zweifel ausschliesslich in lateinischer Sprache gehalten wurde (auch die carthagische machte hievon keine Ausnahme, obgleich hier so mancher Gebildete griechisch verstand und sprach), noch die griechischen und hellenistisch-orientalischen; sondern nur die römische vor Augen gehabt haben, in der man griechische Gottesdienste hatte und lateinisch verstand. – *Mommsen*, 657. 658, определенно не высказывается о первоначальном богослужбном языке африканских христиан.

²¹ Passio s. Perpetuae, nn. 4. 13. 12, *Robinson*, 68. 82. 80. 43.

²² „Omnia graece“. *Juvenal*, sat. 6, 187

карфагенских христиан во время богослужения словом τέκνία, произносили слова молитв по-гречески, и верующие *едиными усты* возглашали еще не Sanctus sanctus sanctus, но Ἀγίος ἄγιος ἄγιος.

Литературная деятельность Тертуллиана представляет явление довольно своеобразное. Некоторые вопросы он решает в сочинениях на греческом языке; и так поступает он не только в начале своей деятельности, когда он жил в Риме, но и в период ее полного расцвета, в 201 – 202 г., когда он был несомненно карфагенским пресвитером. Эти вопросы его так интересовали, что иногда он брался за них снова и обсуждал их на латинском языке. Смешно было бы думать, что Тертуллиан в качестве греческого писателя выступал потому, что к его времени латинский церковный язык не был достаточно разработан: своим родным языком Тертуллиан владел как образованный юрист; несколько *termini technici* из греческого церковного языка (*haereticus, baptismus, ecclesia*), – и из латинского языка литературного получался язык церковный. Однако карфагенский пресвитер, даже «создавши» латинский церковный язык, по-прежнему предпочитает писать сперва греческие сочинения и потом уже излагать их по-латыни. Нельзя сказать, чтобы ученые попытки объяснить эту странность были счастливы: не удается доказать не только того, что греческий христианский мир по преимуществу нуждался в просветительских услугах Тертуллиана, но даже и того, что предметы, о которых он писал по-гречески, действительно интересовали и христиан в Египте и Азии, а не одних только христиан карфагенских. И – к довершению загадочности положения – сам Тертуллиан говорит, что он пишет именно для своих сограждан, *propter sua uiludios nostros*, и обращает их внимание на свой греческий трактат, хотя латинское его сочинение по тому же вопросу было уже по всей вероятности написано: *graeco quoque stylo satisfecimus*²³).

---

²³ Tertull. de baptismo [ок. 198 г.] с. 15: *haeretici – (baptismum) sine dubio non habent – sed de isto plenius iam nobis in graeco digestum est.* Хаукк (*A. Hauck, Tertullian's Leben u. Schriften, Erlangen 1877*), 102, поясняет: „легко понять, почему он писал это сочинение по-гречески: решение, принятое африканскою церковью, представлялось ему желательным и для всей церкви. Он защищал это постановление пред африканцами“ [здесь – замечу – защита была уместна, потому что решение собора отменяло прежнюю практику] „и в то же время рекомендовал его всем“ [малоазийские церкви в этой рекомендации не нуждались уже по тому одному, что их воззрения и древняя практика согласны были с африканским постановлением]. – *de corona militis* [в 201 – 202 г.] с. 6: „*ex quibus spectacula instruuntur – sed et huic materiae propter sua uiludios nostros graeco quoque stylo satisfecimus*“. – *de uirginibus uelandis* [в 201 – 202 г.] с. 1 [начало сочинения]: „*Proprium iam negotium passus meae opinionis, latine quoque ostendam uirgines nostras uelari oportere*“. *Disputatione quadam*, – комментирует *Rigault*, – *aduersus graecos* [однако известно только то, что этот вопрос жгучий интерес представлял именно в Карфагене] – *graecorum conuitiis exceptus ac pro haeretico exagitatus fuisse uidetur*. „Этот вопрос, – пишет *Fuller* в *W. Smith and H. Wace A Dictionary of Christian Biography* (London 1887), 845, казался Тертуллиану столь важным, что он обсуждал его на обоих языках, может быть надеясь обратить на него внимание востока и запада“ [но почему же наперед востока? ведь спор-то существует и живо интересуется всех в Карфагене!]. Греческие сочинения Тертуллиана не дошли до нас, латинские *de spectaculis* и *de uirg. uel.* сохранились.

В Абиссинии и до настоящих дней существует такой обычай: если кто напишет так называемый «дырсан», т. е. богословский трактат, конечно, на церковном языке «гыыз» (эфиопском), мертвом, но более или менее понятном получившим обычное образование абиссианам; то новое произведение богословской литературы прочитывают пред всеми в церкви²⁴). Это примитивно по форме и высоко церковно по духу: богослов хочет служить церкви; естественно ему и свой посильный труд «издавать» не «в свет», а в церковь, довести его до ее сведения, повергнуть на ее суд. Так, по моему мнению, было и в Карфагене во II в. Писания карфагенского пресвитера по вопросам, интересовавшим карфагенских христиан, прочитывались прежде всего в церкви: это было их обнародование. И потому он должен был писать их на языке церковном, по-гречески. Сам Тертуллиан дает понять, что когда он считает своим нравственным долгом высказать свое мнение, *proptium negotium meae opinionis*, хотя бы в перспективе ему рисовались и неприятности – он пишет сочинение по-гречески. Истинный «муж браней», он не довольствуется таким трактатом, и излагает его затем *latine*: он хочет действовать на массы, им желает разъяснить правильность своей полемической точки зрения; а простолудин карфагенский во всяком случае далеко не все способен был понять в греческом исследовании. Но и не это одно побуждало Тертуллиана прибегать к таким вторым изданиям: карфагенский пресвитер свои трактаты, предназначенные для прочтения в церковном собрании, должен был, конечно, писать не только по-гречески, но и в тоне строго церковном, лаконично и спокойно, насколько это было возможно для такой кипучей натуры; он вынужден был отлагать в сторону часть своих полемических оружий и, разумеется, прежде всего свои язвительные сарказмы. *Stylo graeco* он вразумлял и обличал своих противников со всяким долготерпением, как это достойно было его самого, благоговейнейшего пресвитера; но когда он принимался показывать им истину *latine*, он разделялся с ними так, как стоило их третировать по качеству их – предполагаемых или действительных – заблуждений. Его латинские трактаты вероятно имели огромный успех, но это был успех частного предприятия и частного лица; кто хотел, тот мог игнорировать самое существование этих писаний. Поэтому, когда он хочет показать карфагенским театрам, что они изобличены, – показать беспощадно, так, чтобы им не возможно было отойти с закрытыми глазами, отговориться неведением: он отсылает их не к своему латинскому сочинению *de spectaculis*, а к греческому, прочитанному вслух всей церкви: «*graeco quoque stylo satisfecimus*».

---

²⁴ Об этом ἀνάλογον нашим диссертациям и коллоквиумам мне пришлось слышать от иеродиакона Габра-Крыстос (=Христула), абиссина из Тамбена в Тыгрé, жившего в спб. Духовной Академии в 1892 – 94 гг.

Гипотеза о богослужебном употреблении греческого языка в Карфагене, объясняя и греческие ингредиенты в видениях Сатура и Перпетуи и происхождение греческих сочинений Тертуллиана, показывает, что греческие акты мучеников исхлиских должны были появиться вскоре после 17 июля 180 г. Единство тона в богослужении карфагенской церкви было выдержано так полно, что далее на собраниях не прямо богослужебных слышался греческий язык. На этом же языке читались и акты мучеников. «Fideliter memoriis communicantes, actus eorum in ecclesiis ad aedificationem legite», читаем мы в сокращенных актах св. Перпетуи и прочих мучеников, с нею пострадавших²⁵). Следовательно, можно предполагать, что уже 17 июля 181 г. совершена была в Карфагене (и в Исхли) память свв. мучеников и прочитано было поветвование об их подвиге. Нет причин не допускать, что рецензия Ἐπι Πραίσεων τὸ δεῦτερον составлена была уже в 180 – 181 г. Греческий текст есть авторизованная самою церковью рецензия актов. Их составителем было конечно лицо, облеченное доверием карфагенской церкви, признанное по преимуществу способным к такому труду. Само собою разумеется, что в распоряжении автора актов были самые точные сведения о мученичестве свв. Сперата и его дружины, какими располагала карфагенская церковь²⁶). Он имел под руками тахиграфическую запись процесса, от которой ведут свое начало все латинская рецензии актов, – а может быть и сам был свидетелем-очевидцем суда над мучениками. Это устанавливает взаимное отношение рецензии Praesente и Πραίσεων. На греческую рецензию и на древнюю латинскую можно смотреть как на два равноправных документа одинаковой древности. Греческий авторизованный текст уступает, как документ, древней латинской рецензии потому, что последние слова проконсула и мучеников передает в подлиннике, а не в переводе. Но в одном случае – по совершенно специальным основаниям – греческий текст превосходит текст латинский именно потому, что компетентно его разъясняет, а может быть даже относится к нему как подлинник к переводу.

V.

Cruх interpretum

Когда все мученики исповедали себя христианами и отказались от предлагаемого им срока на размышление,

---

²⁵ Robinson, 103.

²⁶ Отсюда, разумеется, следует и то, что все исхлиские мученики были *миряне*. Если бы, напр., Сперат был епископом или пресвитером исхлиской церкви, то составитель греческого текста актов, которые предназначались служить и похвальным словом мученикам, не опустил бы этой подробности.

<p>Σατουρνῖονος ὁ ἀνθύπατος ἔφη· Ὅποῖαι πραγματεῖαι ἐν ὑμετέροις ἀπόκεινται σκεύεσιν; Ὁ ἅγιος Σπερᾶτος εἶπεν· Αἱ καθ’ ἡμᾶς βίβλοι καὶ προσεπιτούτοις ἐπιστολαὶ Παύλου τοῦ ὀσίου ἀνδρός.</p>	<p>Saturninus proconsul dixit: Quae sunt res in capsula uestra? ²⁷⁾ Speratus dixit: Libri et epistulae Pauli iusti.</p>
---	---

²⁷⁾ В пр. 17 я предложил самое вероятное, по моему мнению, объяснение разности между греческим текстом и латинским на этом пункте. Другие объяснения также возможны. Σκεῦος имеет смысл столь широкий (Деян. апост. 10, 11 „καταβαῖνον σκεῦός τι ὡς ὀθόνην μέγαλην“ по-русски трудно назвать „сосудом“); σκεύη в доме – не только „сосуды“ (σκεῦος = μόδιος Лук. 8, 16; 11, 33; Матф. 5, 15), но „мебель“ вообще (Матф. 12, 29; ср. Евр. 9, 21). Современный „портплед“ – несомненно σκεῦος, по Деян. 10, 11. – Σκεύη при путешественнике = *багаж*. В африканских церквах книги хранили иногда очень просто. Gesta purgationis Felicis (Migne, S. Lat. t. 8, 725 AB): „inuenies in cathedra libros et super lapide codices“. Из слов Ἐπιφανίου περὶ μετέτρων καὶ σταθμῶν, n. 18, p. 174 Petav, IV, 22 Dindorf: ἐν δὲ τῷ ἐβδόμῳ αὐτοῦ ἔτελ [=217 г. по р. Хр.] ἠύρέθησαν καὶ βιβλοὶ τῆς πέμπτης ἐκδόσεως ἐν πίθοις ἐν Ἱερικῶ κεκρυμμένοι, а при Александре Севере ἠύρέθη ἔκτη ἔκδοσις, καὶ αὐτὴ ἐν πίθοις κεκρυμμένη ἐν Νικοπόλει τῇ πρὸς Ἀκτία видно, что ценные книги скрывали [ср. Иерем. 39 (32), и14] а может быть и в обычное время хранили в глиняных горшках (ср. 2. Коринф. 4, 7: ἔχομεν δὲ τὸν θησαυρὸν τοῦτον ἐν ὀστρακίνοις σκεύεσιν). Очевидно, σκεύεσιν актов допускает и такое объяснение. – Некоторый интерес в виду дальнейшего представляет вопрос: где находились эти книги 17 июля 180 г.? Если бы налицо было только латинское чтение, вероятно, все не задумываясь ответили бы: видимо в зале заседания, in secretario. Если σκεύεσιν=“в багаже“, т. е., если ислхских христиан арестовали во время путешествия; то, конечно, вместе с ними захватили и их книги. Но если допустить невероятное, что свое σκεύεσιν автор выбирает намеренно, чтобы противопоставить его слову capsula как неподвижный книжный шкаф (у Обэ: „in uestris armariis“) переносному книжному футляру; то не следует ли думать, что книги в данный момент находились в Исхли? Самое слово ἀπόκεινται не должно ли значить: положены и теперь еще там лежат? Думаю, что ответ должен быть отрицательный. Во-первых, к тонкостям греческого лексикона и грамматики латинянин-автор был не особенно чуток и ἀπόκεινται вместо sunt поставил, видимо, по другой причине. Он вместо „habete“ пишет, правда, ὑμῖν ἔστω; но на 14 случаев глагола esse в латинском тексте приходится только 2 случая (ἐστὶν, εἶμι) в греческом. Вместо обычного „christianus sum“ в греческом употребляется χρ. καθίσταμαι, χρ. ὑπάρχω, χρ. τυγχάνω. Автор-латинянин, видимо, неуверен, можно ли в греческом сказать εἶναι во всех тех случаях, где по латыни стоить esse, и старается избегать этого εἶναι. Поэтому и здесь sunt обойдено; ἀπόκεινται – своего рода asyllum ignorantiae, а не какая-нибудь суперфинность точности. Во-вторых, если capsula осталась in armariis, то проконсул узнал о существовании ее потому, что о ней было упомянуто в отчете об аресте христиан и о произведенном обыске у них. Но ведь христиане не свободны были от подозрения даже в магии; в capsula могли быть ведь колдовские книги, которые должны были служить уликою против них, как malefici. Плох был бы тот судебный следователь, который не догадался бы приобщить эти книги к делу. Изучать их было удобнее в Карфагене, чем в Исхли, и capsula была вещь совсем не такая громоздкая, чтобы officiales затруднились перевозкою ее в резиденцию проконсула.

После этого Сатурнин снова предложил мученикам тридцатидневный срок на размышление; но они опять исповедали себя христианами, и проконсул прочитал им смертный приговор.

В греческом тексте в ответе Сперата – более слов, чем в латинском, и одному из них, *προσεπιτούτοις*, весь протестантский ученый мир приписывает величайшую важность. Видеть ли в этом слове описку *вм. πρὸς ἐπὶ ταύταις* (т.е. βίβλοι), подразумевать ли при *πρὸς ἐπὶ τούτοις* более далекое *σκεύεσιν*, понимать ли наконец это *προσεπιτούτοις* в смысле наречия, оно во всяком случае имеет значение чего-то прибавочного, некоторого *plus*. Послания ап. Павла отненены в *Acta Martyrum Scilitanorum graece* как *+ἐπιστολαί*; а так как сказано *αὶ προσεπιτούτοις ἐπιστολαί* (а не *προσεπιτούτοις αὶ ἐπιστολαί*), то это + представляет не случайную, преходящую их отмету, а их постоянную характеристику, основанную на их природе. В отношении к *αὶ βίβλοι* они всегда *+ ἐπιστολαί*: они не только не включаются в понятие «этих книг», но выразительно рассматриваются как придаток к ним. «Наши книги и послания Павла сверх того, *ausserdem*». А так как *αὶ βίβλοι* – священные книги новозаветного канона, то следовательно в 180 г. послания ап. Павла в состав этого канона еще не включались.

Против этих выводов протестантских богословов и не богословов с негодованием восстал протестант же, проф. богословия Теодор Цан. «Совершенно очевидно, что этого выражения нельзя понимать в смысле *καὶ προσεπὶ τούτοις αὶ ἐπιστολαί*: это последнее характеризовало бы послания как прибавку, еще не данную по понятию в общем выражении *αὶ βίβλοι*. Напротив [в выражении *καὶ αὶ προσεπὶ ταύταις ἐπιστολαί*] частное является подле общего, *explicite* высказывается, что послания Павла должно причислять, *mit hinzurechnen seien*, к названным прежде свящ. книгам». «Весьма своеобразное обозначение для библейских писаний выбрали сциллитанские мученики 180 г. Ни они сами, ни их современник, записавший их последнее исповедание, конечно не предполагали, что позднейшие христиане почтут необходимым шульмейстерски исправлять их неловкие слова, и еще менее предвидели они, что ученые нашего времени, которым снова сделался доступен первоначальный текст их выражений, начнут этот текст встряхивать на дыбе, *auf die Folter spannen*, чтобы выманить из него тайны относительно истории образования новозаветного канона. Если бы мученики на вопрос, что содержится в их футляре с *volumina*, ответили только: «наши писания»; то этим было бы сказано все; этим все священные книги церкви были бы обозначены». Цан убежден, что общее выражение *αὶ καθ' ἡμᾶς βίβλοι* означает не только четыре евангелия, но «несомненно, *sicher*, также и ветхий завет». «Если же мученики при этом специально поименовали послания Павла, которые точно так же принадлежали к числу их св. книг и хранились в одних и

тех же футлярах с прочими; то, должно быть, они имели к тому особые основания. Может быть они ожидали, что власти подвергнут их книги осмотру и длинные послания к великим церквам в Риме, в Коринфе, – послания, век и происхождение которых властям были неизвестны, – сочтут за компрометирующие бумаги, увидят в них документальное доказательство того, что христиане представляют международное сообщество, опасное для государства. Да, в числе канонических книг христиан есть и письма; но это послания святого, благочестивого мужа, который не внушал ничего дурного. Удачна эта попытка – объяснить очень своеобразное выражение или нет, во всяком случае мы здесь имеем пред собою показание, обусловленное особенным положением христиан, стоявших пред языческим судом, а вовсе не образец того, как верующие в церкви между собою выражались тогда о свящ. писании и составных частях его». – *Summa summarum*: по Цану вопрос проконсула имеет смысл иносказательный, но хорошо понятный христианам. «Проконсул Вигеллий Сатурнин в 180 г. сциллиских мучеников не спрашивает: какое содержание вашей библии, вашего кодекса? Его вопрос гласит: что за писания лежат в ваших футлярах? Ответ был: «наши книги и составляющие интегральную часть их, *die mit dazu gehorigen*, послания святого мужа Павла»²⁸).

Таким образом всех протестантских *belligerantes* связывает единство почвы: все они убеждены, принимают *pro concessio et probato*, что здесь речь идет о составе новозаветного канона. Бой вращается около одного и единственного вопроса: значит ли *προσθετιοῦς* «*mitdazu*» или «*ausserdem*»? По моему мнению, весь этот спор – блестящий турнир *pro nihilo*, не особенно плодотворный для науки и не особенно для нее славный.

Точности астрономических наблюдений вредит, между прочим, личная ошибка наблюдателя; правильности исторических исследований несравненно серьезнее вредит погрешность, которую я назвал бы эфиопизмом исследователя. В одном из списков²⁹) евангелия на эфиопском языке место Иоанн.19,19 читается след. образом: «Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Господь Иисус Назорей, Царь Иудейский». Простодушному абиссину, который привык называть Спасителя всегда «Ыгзиы Иясус Крыстос», и на мысль не приходит, чтобы кто-нибудь когда-нибудь назвал Его просто «Иисус», а не «Господь Иисус», «Ыгзиы Иясус». Очевидно в основе этой ошибки лежит самое откровенное неумение стать на чью-нибудь точку зрения кроме своей собственной. Тот ли эфиопизм сказался и в том амплификаторе, который в меру своего убогого разумения украшал древний текст *Acta Martyrum Scilitanorum* перлами своего красноречия, чтобы сплести свв. мученикам венец еще более

---

²⁸ *Theodor Zahn*, *Geschichte des neutestamentlichen Kanons* (Erlangen-Leipzig 1888 – 89), I, 102 Anm. 1; 86 Anm. и; 102. 103; 81. 82.

²⁹ По нему издан эфиопский текст в *Biblia Polyglotta* ed. *Brian Walton*, Londini 1657.

лучезарный, заставил проконсула отправить их еще раз в темницу и там на целую ночь растянуть их на орудии пытки, и вопрос Сатурнина о *carpa* передал в таком виде: «*Qui sunt libri quos adoratis legentes?*»³⁰). Ну, разумеется, Вигеллий Сатурнин в 180 г. не имел права не знать, что когда христиане читают свои свящ. книги, то воздают им и *adoratio*!

Точка зрения протестантских ученых, усмотревших в слове исхлиских мучеников чуть не откровение по вопросу об истории новозаветного канона, также грешит значительной дозой эфиопского. Когда в таком простом вопросе о книгах в *carpa* усматривают хитроумное дознание о составе новозаветного канона, то можно подумать, что Вигеллий Сатурнин ранее где-нибудь в *Lopodunum* или *Sumelocenna* был христианским профессором, не хуже Климентов и Оригенов постиг различия между *ὁμολογούμενα* и *ἀντιλεγόμενα*, *ἐνδιάθηκα* и *μὴ τοιαῦτα*, *καθολικὰ* и *νόθα*, знает, что *κανὼν ἐκκλησιαστικὸς* не во всех церквях имеет одинаковое содержание, изучил до тонкости капризный язык разных Тертуллианов и всякие описательные выражения, и теперь пользуется случаем узнать, тождествен ли канон в Карфагене и в каких-нибудь десятках километров расстояния от Карфагена – в Исхли. В довершение исторической естественности такого образа тотчас же допускается, что христианам, которые истинный смысл слова *carpa* понимают с полуслова и узнают *ex ungue leonem*, этот тонкий знаток новозаветного канона своим грубым невежеством страшен: послания ап. Павла он может принять за текущую переписку самих христиан исхлиских и насочинить всяких страхов и опасностей для империи от «международного союза» христиан. Логика мучеников тоже представлена в свете не более завидном. На вопрос: какие книги вы признаете каноническими? они дают ответ: «книги канонические» и готовы на этом и успокоиться. Но внезапно блеснуло в их умах опасение: ведь проконсул может послания Павла принять за нашу собственную «международную» корреспонденцию. Они озабочены, как предотвратить такое недоразумение; но им и на ум не приходит самое радикальное против этого средство: сообщить Сатурнину, что этот Павел скончался еще при Нероне.

Нет, о новозаветном каноне, ему иеизвестном, проконсул христиан не спрашивал; он говорил о совершенно конкретной и осязаемой *carpa*. Но в таком случае зачем же мученики дают показание, как полагает другая сторона, что послания Павла к новозаветному канону они не причисляют? Такое показание христиане сделали или бессознательно или сознательно. Первое конечно абсурд: нельзя же предполагать, что самая мысль, что кто-то может подумать, что послания Павла христиане признают каноническими книгами, казалась им так ужасна, что они начинали протестовать против нее словно потрясенные

---

³⁰ Acta Baronii.

гальваническим током. Ведь они послания ап. Павла хранили вместе с евангелиями, следовательно и первые, будь они даже только ἀντιλεγόμενα, признавали своею святынею. А разумных оснований давать показание о каноничности или неканоничности посланий апостола не видно ни малейших. Одно то, что вопрос о книгах предложен был христианам в такое время, когда процесс над ними по существу дела уже был закончен, показывало, что в глазах Сатурнина исход дела от того ответа, какой он услышит от христиан, совсем не зависит. Разве положение их улучшалось от того, что они послания Павла объявляли неканоническими? Разве это приближало проконсула хотя на волос к христианству, к которому он был так откровенно равнодушен? Он, отказавшийся выслушать «тайну простоты», не знакомый с основами христианского учения, могли понять тонкости различия между ἀντιλεγόμενα и ὁμολογούμενα? Кажется, он столько же был подготовлен к усвоению таких сообщений, сколько человек, не слышавший о таблице умножения, к слушанию лекций по интегральному счислению.

Между тем, не затемняемый никакими эфиопизмами, текст актов так прост и естествен. Своими ответами, своим отказом от срока на размышление, по суду проконсула, христиане доказали свое закостенелое упорство в преступлении. Конечно он отдал уже приказание – писать на табличке смертный приговор. Наступает на несколько минут пауза. Чтобы наполнить это ничем незанятое время, Вигеллий Сатурнин обнаруживает tantillum академического интереса к самому христианству. Слышится небрежное, почти брезгливое: «что это за вещи в вашем футляре?» И может быть услужливые руки аппаратора вынимают из сарса эти «вещи», и один за другим эти volumina разворачиваются пред проконсулом, и он на несколько секунд удостоивает их своего внимания. Или же ему подан инвентарь этой сарса, который officium составило только для того, чтобы показать, что эти трактаты не осложняют дела никаким новым преступлением. Как ни велико одушевление мучеников, но и они в эти минуты нуждаются в собранности духа, чтобы завершить свой подвиг, мужественно встретив предстоящую им смерть. Это не такое состояние, когда человек бывает бесцельно говорливым. Их ответ лаконично краток, как и вопрос Сатурнина. На них лежит нравственный долг показать, что христиане безусловно честны; что они ничего не скрывают, потому что за ними нет ничего преступного. Нужно ответить так, чтобы проконсул воочию убедился, что названы действительно те самые «вещи», которые находятся в футляре. Инвентарная опись или осмотр оставляли такое представление о volumina в сарса:

ΚΑΤΑ μαθητῶν. ΒΙΒΛΟΣ γενέσεως ἰησοῦ χριστοῦ

ΚΑΤΑ μάρκου. ἀρχὴ τοῦ εὐαγγελίου ἰησοῦ χριστοῦ

ΚΑΤΑ Λουκᾶν. ἐπειδήπερ πολλοὶ ἐπεχείρησαν

ΚΑΤΑ ἰωάννην. ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος καὶ ὁ λόγος

и затем

ΠΡΟΣ ῥωμαίους. ΠΑΓΛΟΣ δοῦλος ἰησοῦ χριστοῦ

ΠΡΟΣ κορινθίους α. ΠΑΓΛΟΣ κλητός ἀπόστολος

ΠΡΟΣ κορινθίους β. ΠΑΓΛΟΣ ἀπόστολος χριστοῦ

ΠΡΟΣ γαλάτας. ΠΑΓΛΟΣ ἀπόστολος οὐκ ἀπ’

ΠΡΟΣ ἐφεσίους. ΠΑΓΛΟΣ ἀπόστολος χριστοῦ

и т. д.³¹). Словом получался ряд трактатов, отмеченных начальным словом κατὰ, и другой ряд трактатов, начинающихся словом πρὸς. Первый трактат первой категории назван βίβλος. Когда Сперат ответил: αὶ καθ’ ἡμᾶς βίβλοι, он первую категорию книг описал совершенно точно. Имена «Матфей, Марк, Лука, Иоанн», промелькнувшие пред глазами проконсула, едва ли удержались в его памяти: их можно было обобщить в ἡμᾶς. Αὶ καθ’ ἡμᾶς βίβλοι, это для постороннего означало не более, чем простое «libri nostri»³²).

Сложнее выглядела категория πρὸς. Имя Павла повторялось так часто, что конечно осталось в памяти проконсула; ясно было и то, что это были *послания* Павла. Должно было Павла упомянуть в ответе и характеризировать. Адрессаты, римляне, коринфяне, ефесяне, были слишком определены, чтобы всех их можно было сократить в одно слово в роде ἡμᾶς. Сперат, по-видимому, сказал: «πρὸς ad tales et tales», или же: «πρὸς и так далее», и это выражено сложным «αὶ πρὸς ἐπὶ τούτοις». Весьма возможно, что самый ответ на вопрос о греческих книгах Сперат дал сполна по-гречески, и лишь впоследствии он был по-латыни передан с обходом непреодолимых трудностей. «Libri et epistulae Pauli uiri iusti», это выражение заместило более сложную фразу, во всяком случае для лиц, незнакомых с элементами греческого языка, непонятную.

---

³¹ Результаты исследований Тишендорфа о надписаниях новозаветных книг в древнейших рукописях согласны с заключениями Весткотта и Хорта. *Novum Testamentum graece. Rccensionis Tischendorfianae ultimae* [1873] *textum cum Tregcllesiano* [1857 – 1879] *et Westcottio-Hortiano* [1881] *contulit Oscar de Gebhardt. Lipsiae* 1884.

³² Если выражения в роде ὁ πατρίκιος ὁ κατὰ Ἰεσοῦν, Σέργιος ὁ κατὰ Νικήταν, сравнительно поздно проникают в письменность, то в живой речи они могли получить права гражданства уже давно. Особенно благоприятную почву для такого *modus loquendi* представляла пунийская Африка. В „*Roenulus*“ встречаются „oh silli“, „amma silli“, „bene silli“, т. е. *брат-что-ко-мне, мать-что-ко-мне, сын-мой-что-ко-мне*, вместо *брат мой* и т. д.

Выражение αἱ πρός ἐπὶ τούτοις филолог не имеет права рассматривать без связи с αἱ καθ' ἡμᾶς. Здесь πρός, там καθὰ. Если бы германский ученый мир не принял на веру мнения Каспари, что в Карфагене богослужение совершалось на латинском языке, а не на греческом; если бы к толкованию προσεπιτούτοις приступали с отчетливым представлением, что volumina были писаны не на латинском, а на греческом языке: очевидная противоположность καθὰ и πρός конечно не ускользнула бы от внимания толкователей, и в словах мученика давно увидели бы простое описание главных составных частей Нового завета, а вовсе не показание о том, что послания ап. Павла в 180 г. еще не считались книгами каноническими.

Проф. В. В. Болотов.

Извлечено из кн: «Христианского Чтения» 1903 г.

Типография М. Меркушева, Невский пр., 8.